П.П.БАЖОВ

SHOUT
SHARE
IT

- Павел Петрович Бажов
  - Письмо к Л. И. Скорино
  - Из письма к Л. И. Скорино
  - Письмо к А. С. Мякишеву
  - Дневниковая запись
  - Письмо к Л. И. Скорино
  - Из письма к Е. А. Пермяку
  - Из письма к Л. И. Скорино
  - Дневниковые записи
  - Из письма к Е. А. Пермяку
  - Из письма к И. И. Халтурину
  - Письмо к школьникам
  - Дневниковая запись
  - Из письма к Л. И. Скорино
  - Из письма к Е. А. Пермяку
  - Письмо к начинающему писателю
  - Из письма к Е. А. Пермяку
  - Из письма к Е. А. Пермяку
  - Из письма к А. С. Ладейщикову
  - Из письма к Л. И. Скорино
  - Письмо к М. Х. Кочневу
  - Из письма к Л. И. Скорино
  - Из письма к Д. Д. Нагишкину
  - Письмо к начинающему писателю
  - Выступление в связи с сорокалетним юбилеем газеты «Уральский рабочий»
  - Комментарии
    -
- notes
  - 1
  - 2

Павел Петрович Бажов
Отслоения дней
Дневниковые записи, письма

Письмо к Л. И. Скорино

20 сентября 1941 г.

Думаю, что вы уже достаточно осведомлены об эпистолярности изучаемого вами объекта, поэтому не очень удивляетесь продолжительному молчанию. Во всяком случае срок оказался достаточный. Настала пора отвечать, но тут опять у вашего объекта начинает выступать субъективное мнение по существу работы.

Вот первые два вопроса: о бабушке и маме. Мне здесь почудилось что-то не тае, какое-то направление в генеалогию, когда внимание должно быть направлено на социальную среду, независимо от родственных отношений. Может быть, я бестолково об этом говорю? Постараюсь это же разъяснить более длительным путем.

О разговорах бабушки мной довольно подробно давалось в очерке «У старого рудника» и в повестушке «Зеленая кобылка». Вероятно, дважды или даже трижды, сколько я могу припомнить дополнительно, но ведь у меня, во-первых, нет уверенности, что все это именно слышал от нее — от Авдотьи Петровны, а не от бабки или деда своего товарища, и, во-вторых, нельзя забывать, что общая сумма слышанного вне семьи во много раз превышает то, что слышал в семье.

И это, поверьте, очень существенно. Пушкинская Арина Родионовна, Гриневский Савельич, Иохим Петруся и т. д. представляются и, действительно, могли быть единственными конденсаторами влияний трудовой группы на изолированного от нее ребенка. Совсем иное получается, когда ребенок растет среди этой именно группы. Здесь он видит представителей группы на каждом шагу и даже при самой острой памяти едва ли в состоянии отделить документально одно лицо от другого. Словом, горьковская бабушка, по-моему, гораздо более собирательна, чем пушкинская няня.

О своей бабушке храню благодарную память, как о ласковом, немало повидавшем на своем веку трудностей и словоохотливом человеке, честно отработавшем свой срок. Но таких было немало и в ближайших избах. Поэтому выделять, что то или другое слышал от своей бабушки, считаю невозможным. Да это и повело бы, как уже говорилось выше, вовсе не в ту сторону, куда надо.

Единственно, что могу утверждать, — это первые детские сведения о Медной горе могли быть получены только от бабушки и отца, так как других лиц, знавших об этом, в ближайшем моем окружении не было. Но это уже сказано, и поэтому вопрос

снимается.

Отсюда вывод, вроде совета. Надо налегать не на бабушку, а на весь рабочий уклад того времени и особенно на тот «институт заводских стариков», о котором, помните, пытался рассказать на Молотовской конференции. Для примера укажу на летние беседы «на завалинках» в праздничные дни или даже на такие обычаи, как супрядки, капустники и т. д., где обычно «вертелись» и мальчуганы годов до семи-восьми. Там они, как губка, впитывали, «о чем старухи судачат», «о чем старики сказывают». Конечно, тут было немало и плохого, но преобладание положительного неоспоримо. В этом суть вопроса, почему мой старый быт не походит на подъячевский. Ведь если в прошлом, от «Растеряевой улицы» до чеховских «Мужиков», по понятным причинам внимание фиксировалось на теневых сторонах, то задача нашего поколения, имевшего возможность видеть старое, осветить то, из чего росла любовь к родине и мощь нашего государства.

Вопрос о влиянии матери (почему не отца?), мне кажется, должен отпасть по тем же причинам. Для каждого из нас, конечно, своя мама «лучше всех», но отсюда нельзя делать выводов о преобладании этого неизбежно идеализированного образа над другими. И вообще разыскать истоки образов в моих вещах нельзя просто потому, что написано крайне мало. Говорить с этими данными было бы так же смело, как, скажем, об уральском песенном фольклоре по десятку прослушанных образцов. Это будут лишь догадки, которые легко могут быть совершенно опровергнуты десятком других образцов, а те в свою очередь окажутся несостоятельными перед следующим десятком. Вообще «с органической аналитикой» лучше повременить: вдруг я еще что-нибудь напишу в мемуарном порядке. Старики к этому склонны. Хлебом их не корми, дай поговорить о том времени, когда и они детьми были. Любят!

Когда и что впервые прочел у Лескова, точно не помню. Надо при этом напомнить, что в свои юношеские годы относился к этому писателю отрицательно, не зная его. Понаслышке он был известен мне, как автор реакционных романов, поэтому, видимо, я и не тянулся к произведениям Лескова Полностью прочитал уже в зрелом возрасте, когда появилось издание А. Ф. Маркса (кажется в 1903 году). Тогда же прочитал и реакционные романы («На ножах» и «Некуда») и был буквально поражен убогостью художественной и словесной ткани этих вещей. Просто не верилось, что они принадлежат автору таких произведений, как «Соборяне», «Несмертельный Голован», «Очарованный странник», «Тупейный художник» и других, блещущих выдумкой и словесной игрой, при их жизненной правдивости. Занятным показалось

совершенно новое чтение Лесковым старопечатных источников: прологов, Четий-Миней, цветников.

«Огорчительный плакон», «краеграние», и т. д. ка, — жется мне большим словесным переигрыванием, пороч сближает Лескова с Горбуновым, который на потеху публики нарочито преувеличивал речевые и фонетические на правильности и выискивал rarites personales,[1] чтоб по смешнее.

Говоря откровенно (attention! Attention![2]), Мельников мне казался всегда ближе. Простая близкая натура, ситуация и тщательно отобранный язык без перехлестываниа в словесную игру. Читать этого автора стал еще в те годы, когда смысл слов «ох, искушение!» мне был не вполне понятен. Перечитывал и потом. И если надо обязательно искать, от кого что прилипло, то не следует ли поглядеть через это окошко. А главное, конечно, Чехов. Здесь отчетливо помню, что и когда впервые прочитал. Помню даже место, где это происходило.

Пришлось это на 1894 год. Ваши уважаемые собратья прошлого литературоведы и критики — к этому времени уже полностью «признали и оценили» Чехова и даже общими усилиями дотолкали его до «Мужиков» и других произведений этой группы. Но в провинциальных книжных магазинах (жил я тогда в Перми) был еще только молодой Чехов «Сказок Мельпомены» и «Пестрых рассказов».

Стояла осенняя слякоть начала ноября, да еще приходилось «справлять кончину в бозе почившего» Александра III. На горе пермским бурсакам архиерей того времени считал себя композитором. По случаю «кончины» он положил на музыку какой-то стихотворный скулеж пермского гимназиста. Бурсацкое начальство укоризненно вздыхало по адресу своих питомцев: вот, дескать, гимназист скорбит даже в стихах, а вы как себя показываете. И желая подравняться, усиленно налегали на распевание этого скулежа архиерейской композиции.

В такие сугубо кислые дни впервые купил книжечку Чехсва. Стоимость ее я забыл, но она казалась для моего тогдашнего репетиторского заработка (шесть рублей в месяц) чувствительной. Помню, еще мешали выбору книжка Лугового «Police verso» и Мамина-Сибиряка «Черты из жизни Пепко», стоявшие рядом с книжкой Чехова. Перетянул все-таки неизвестный мне тогда Антон Павлович Чехов.

Семинарское начальство свирепо относилось ко всей литературе без «допустительной отметки». Так называлась последняя ступенька разрешительной визы (одобрено, рекомендовано, разрешено, дозволено, допущено для библиотек).

На книжечке Чехова никакой такой визы не было, и надо

было читать эту книжку, когда «недреманное око отупеет». Лучше всего это удавалось между ужином и сном, от девяти до одиннадцати. Эти часы предоставлялись усмотрению бурсаков. Кто хотел, мог сразу уходить в спальню, остальные могли читать «библиотечное», «играть в дозволенные игры» (шашки, шахматы), а обычно дулись в карты, могли играть на скрипке, тренькать на балалайках, бренчать на гитаре. Могли штопать штаны, подбивать подметки и даже танцевать, но уже не по классам, а в зале. Там как раз была подходящая обстановка. Потолок с божьим глазом в центре был разделан под звездное небо, окаймленное широкой полосой, по которой славянской вязью было выписано: «Призри с небес, боже, я виждь и посети виноград сей, его же насади десница твоя». А виноград под этой символической надписью отхватывал трепака, откалывал козелка, рассыпал чечетку, либо «приобретал навыки в благородных танцах». По лестничным клеткам боковых ходов, курилкам и уборным производился среди старшеклассников «отбор голосов». Там же имелся удобный измерительный прибор — высоко подвешенная лампа, которую надо было загасить звуковой волной. С обязательством, однако, самому же зажечь — иначе трепка. И это соблюдалось по всей строгости неписанных законов бурсы.

В те дни не было ни этого «упражненского ору», ни танцев. Все бурсаки — «клирошане» (певшие в хорах) сгонялись в актовый зал, где усердствовавший учитель пения, он же регент архиерейского хора, проводил спевки, отыскивая все новые красоты в скорбной архиерейскоq гимназической стряпне. Клирошане, разумеется, по такому случаю все смертельно хотели спать, зевали, даже шатались от усталости, но уйти в спальни было невозможно: недреманное око в виде инспектора и двух его помощников стояло во всех трех дверях зала. При таком положении естественно, что по классам народу было немного (только «непоющие», особый разряд, в который, кстати, не легко было попасть). Зато была полная свобода действий, так как все знали, что никто из инспекции не отойдет от дверей зала, пока не кончится завывание по коронованному покойнику.

Назывались эти часы свободными, вольными, а по разнообразию занятий пестрыми.

И вот в эти пестрые часы пятнадцатилетний парнишка, ученик второго класса Пермской духовной семинарии открыл запертую висячим замочком парту во втором среднем ряду (парты стояли в четыре ряда, которые назывались сообразно: входной — у двери, дальний — у окон, а средние различались по номерам, ближе к двери первый средний, ближе к окнам второй средний) и впервые стал читать «Пестрые рассказы».

Помню, как видите, все до мелочей, а вот не знаю, с какого именно рассказа начал читать. Очевидно, последующее наслоение вытеснило это из памяти. Одно ясно представляется — с первой же страницы фыркнул, захлебнулся смехом. Дальше стало невозможно читать в одиночку, — потребовался слушатель, и вскоре наша классная комната огласилась смехом десятка подростков. Потребовалось даже выставить в коридор вестового (по очереди, конечно), чтоб не «нарваться».

Вскоре эта книжечка у меня исчезла из запертой парты. Это был единственный случай за шесть лет семинарской учебы бесследного исчезновения книжки. Бывали случаи другого порядка: книга «приходила на место сама», либо оказывалась на инспекторском и даже ректорском столе, после чего следовало «воздаяние коемуждо по заслугам его», — в виде карцера, понижения балла по поведению и прочее. Чеховская книжка оказалась исключением, — она исчезла без последствий, но и без возврата.

Удивительно, что и сам я, и мои товарищи на ближайших зимних каникулах «пересказывали своими словами» чеховские вещи: «Канитель», «Винт», «Хирургия», «Дочь Альбиона», «Налим» и другие, и это вызывало бурный смех. Теперь, слушая лучших мастеров дикции, никак не могу понять, в чем же там была сила, почему слушательская реакция была заметнее.

С той поры прошло — увы — пятьдесят лет! Не один раз перечитывал произведения А. П. Чехова и все-таки последующий Чехов никогда не заслонял в моем сознании Чехова начального периода, когда критики и литературоведы склонны были называть его только «смешным писателем». Больше того: многие произведения этого периода мне дают больше, чем вещи последующего периода. «Злоумышленник», например, мне кажется, более правдивым, чем «Мужики», которым я во многом не верю. Или взять хоть «Ведьму». Ведь это жуткая трагедия молодой красивой женщины, вынужденной жить на погосте с постылым рыжим дьячком. Сколько на эту тему у нас написано и в стихах и в прозе, и везде это трагедия либо мелодрама. А здесь ты даже смеешься. Смеешься над рыжим дьячком, который пытается прикрыть платком лицо спящего почтальона, чтобы на него не смотрела жена.

Смеешься и тогда, когда этот рыжий дьячок получает локтем в переносицу. Однако смех ни в какой мере не затеняет основную мысль. Ты тут всему веришь и навсегда запоминаешь, между тем, как трагедии зарываются, а мелодрамы простой переменой интонации превращаются в свою противоположность. Здесь никакой интонацией ничего не изменишь, так как основа глубоко

национальна. Ведь наше русское поле тем и отличается от всех остальных, что на нем нет затейливых цветов, а только простые васильки да солнечный жолтяк. Наши люди даже перед подвигом смерти не встанут на котурны и «могут отмочить одобрительную шутку». Не случайно у нас создалась пословица: «посильна беда со смехом, невмочь со слезами». Чехов это чувствовал, как никто больше, и у него даже тема о безвольной, запуганной интеллигенции подана с большой дозой смеха. Нам смешно даже над последним гробовым футляром страшного, отвратительного, но в то же время смешного Антропоса-Белякова. И, по-моему, сила этой вещи в частности и в том, что она подана в манере «Пестрых рассказов», а не «хмурых людей», как «Спать хочется» и другие произведения, которые критикой прошлого особо выделялись, а читателем и прошлого и настоящего чаще всего пропускаются. И вовсе не потому, что тема мрачна. «Дачники» не менее страшная вещь, но только подана в той национальной манере, которая формулируется: «Коли живешь, реветь рано, а умрешь, тогда поздно».

Может быть, это мое невежество, но мне почему-то сдается, что смех молодого Чехова, его национальные особенности до сих пор остаются белым пятном на литературоведческой карте.

У Чехова, этого веселого мастера «со смехом редьку тереть», представители моего поколения, конечно, все учились многому.

Меня больше всего поражало чеховское уменье сгустить типическое до одной клички.

Протоиерей Змиежалов, дьячок Вонмигласов, акцизник Почечуев, корреспондент Оптимахов — все это для людей нашего поколения уже портреты. Знаешь, что это сделано. Для корреспондента нарочито придумана фамилия, сплав из латинского слова optime и русского — махать, для акцизника подобрана из старого медицинского учебника, где геморой назывался почечуем (у литературоведов и бухгалтеров начинается раньше, чем у представителей других профессий). Фамилии Змиежалов и Вонмигласов откровенно шаржированы, но когда ты знаешь о «жале змия» в соответствующем контексте и когда ты слыхал уныло-ленивую голосянку «вонми гласу моленья моего», тебе кажется это шаржирование тем сгустком обобщения, дальше которого итти невозможно.

А чеховское искусство дать характеристику одной фразой!

— Барышня робко замерсикала и вышла.

— Александр Иванович Египетский! Один костюм сто рублей стоит.

Ведь ты видишь и эту барышню, и этого египетского болванчика вплоть до его манеры носить свой костюм, такой

ослепительный для уездного фельдшера.

И вместе с тем какое чувство меры. Помещик Египетский! Как будто вовсе похоже на правду, и в то же время смешно.

Чехов последних лет никогда не заслонит в моем сознании молодого Чехова, когда он легко и свободно, блестя молодыми глазами, плыл по безграничному простору великой реки. И всем было ясно, что и река русская и пловец русский. Он не боится ни омутов, ни водоворотов родной реки. Его смех нашему поколению казался залогом победы над всеми трудностями, ибо побеждает не тот, кто уныло запоет: «Тарарабумбия, сижу на тумбе я», и не тот, кто тешит себя будущим «небом в алмазах», а только тот, кто умеет смеяться над самым отвратительным и страшным.

Высокопарно вышло? Ничего не поделаешь. Не то что в пятьдесят, а и в сто лет чеховской простоте не научишься. Сказывается учительская привычка к строго грамматическому построению фразы. Налипло немало и от газетного трафарета. А Чехов ведь от всего этого был свободен. Хотя, может быть, и у него все эти Вонмигласовы и Оптимаховы, мерсикающие барышни и помещики египетские не всегда с лету приходили, а в результате большого отбора. Но ведь этого нам не видно. Видна лишь изумительная легкость и простота.

Вот видите, какой я добродетельный: столько написал, что читать надоело, а и вопроса такого не было. Только не воображайте, пожалуйста, что это сделано бескорыстно. Вот слушайте — Вы обязаны всеми имеющимися у вас средствами добыть и переслать, — да! И переслать! — мне издающееся Гослитом собрание сочинений А. П. Чехова.

А если не согласны, так забудьте все, что здесь написано о Чехове. Легок язык да твердо слово. Будет так, будет так, будет так!

После такого заклятия, переходим к основному, но в более коротких словах.

Ваш чудаковатый объект продолжает, как видите, настаивать, что главное все-таки не в генеалогии и литераторе, а в жизненном пути, в характеристике той общественной группы, под влиянием которой формируется человек, среди которой приходится ему на том или другом положении жить и работать. Даже по кусочкам этого письма вы могли убедиться, что бурсацкая жизнь не могла пройти бесследно. А восемнадцать лет учительской работы — это как? Шуточка? Помимо протчего восемнадцать летних просторных вакатов. Правда, часть из них потрачена на театрализованную природу. Надо же было посмотреть море, дымку южных гор, мертвое дерево кипарис и

прочее, что полагается. Только это все же не сильно затянулось. Гораздо больше скитался по Уралу и не совсем бесцельно. Помните, рассказывал о побасках? Ведь шесть полных тетрадей этих узколокализованных присловий. И сделано было вполне основательно, с полной паспортизацией: где, когда записано, от кого слышал. Это вам не воспроизведение слышанного по памяти, а настоящий научный документ. И хоть тетради пропали, разве от этой работы чего-нибудь не осталось? Да я вот еще и сейчас помню:

«У людей канительно, а у нас просто».

«У них пашут да боронят, сеют да жнут, молотят да веют, а у нас снимай штаны, полезай в воду и тащи полным кулем».

Или вот из записей о чусовских камнях-бойцах:

«Честно живем, а от Разбойника кормимся».

«Печку не топим, а тепло она дает» (бойцы Разбойник и Печка).

Знаю, что вам эти мои фольклорные похождения не совсем по душе, но наука есть наука. Она требует строгого подхода к фактам.

Детали этих фольклорных хождений вам, конечно, знать неоткуда, так как ваш объект в те аркадские времена не знал еще запаха свежеотпечатанного листа. Другое дело с полосой гражданской войны. Ведь вы смотрели тут целых три книжечки. Каковы бы они ни были, там тоже можно кое-что почерпнуть об авторе и той среде, в какой ему приходилось работать. В высокой степени не важно, кем и когда он в то время был. На этот вопрос даже отвечать не буду. Это анкета. Если ответить подробно — книга, даже не одна. Основное вам известно — политработник тех дней. Преимущественно редактор фронтовой и ревкомовской печати. То и другое предполагает большое общение с массами и крайнюю пестроту вопросов. Это было одинаково и для фронтовой обстановки и для первых месяцев «ставления власти» и потом, когда редактировал газету «Красный путь» в Камышлове, — уже в 1921/1922 году. Особенно же мне кажется важен период работы в «Крестьянской газете» (потом она называлась «Колхозный путь») с 1923 по 1930 год. Там мне приходилось заведовать отделом крестьянских писем. Об этом вы знаете, но, по-моему, настоящим образом не представляете. Поток писем тогда мог измеряться тоннами, а диапазон — от «терпения козы» (целую зиму прожила зарытой в стог сена) до международных проблем в понимании деревенского малограмотного человека. Какие ситуации, сколько материала для самых неожиданных поворотов, а язык! О! Это то самое, что только в молодости присниться может. Я уже об этом писал

восторженную страницу в «Краеведческих истоках», да разве это выразишь. Каким надо быть сухарем и чурбаном, чтоб не испытать воздействия этой первозданной красоты. Да посадите на это дело на целых семь лет человека чеховского дарования, что бы он сделал! Без длинных поездок, которые Чехов, по свидетельству Н. Д. Телешова, обычно рекомендовал писателям да и сам не чуждался (что может быть дальше Сахалина?).

По части влияния произведений классической литературы затрудняюсь ответить, — боюсь объема, так как это все-таки письмо, а не брошюра.

По вопросу о моем «языковедении» совершенно серьезно советую и прошу выбросить это из головы и особенно из книжки. Меня, как всякого проходившего старую школу классического типа, довольно долго (девять лет) учили латинскому и греческому языкам. Забыл основательно. Ничего не осталось, кроме стиховых обрывков и бродячих в русской литературе латинизмов. Очень мало и очень плохо (по три года при трехнедельных уроках и то не обязательных) учился французскому и немецкому. Ясно, что их не знал и не знаю. Для своих фольклорных целей знакомился с башкирским, чтобы знать, что Чишма — источник, Куляш — солнце, Тургояк — сторона жаворонков и т. д. Теперь еще на полке стоит татарско-русский словарь, но из него знаю то же, что и вы, то есть телеграф — тилиграф, коммунист — камунист и все.

Отступление. Недавно один старый лесничий рассказал легенду о Тургояке. Вот легендочка. Только мне ее не поднять. Тут нужна женская лирика, хотя дело идет о гнедом жеребце. Вам все-таки не скажу: вдруг себе понадобится. Общий вывод по вопросу об языке: придерживаюсь здесь требований анкет записывать лишь тот язык, на котором свободно говоришь, читаешь и пишешь.

Я, конечно, говорю с запинками, читаю через очки, усиленные лупой, пишу, — ох, как не свободно! — но это не останавливает меня в графе о знании языков с разгонкой писать русский. Это, понятно, лишь условность: нельзя же сказать никакой, коли тебя все-таки понимают.

Уж очень огромен наш язык, и каждый из нас перед ним козявка козявкой. Можно восторгаться обилием слов, удивляться своеобразным ходам приставок, тонкой игре глагольных суффиксов и т. д., но знать… Сказать по секрету, едва ли даже Академия наук может это сказать про себя. По крайней мере по академическому словарю этого не видно. Довольно часто там и двойное ударение и двойное окончание, дескать, так и сяк, и разночтение без настойчивого указания, что же правильно. А

сколько всякого рода не решенного. Почему депо ходит иностранцем, а деповских рабочих считаем коренными руссаками. К пальто не прикасайся, а его производное пальтишко, пальтушка резвятся по всем падежам наравне с зипунишком и кофтешкой. И ничего, будто так и надо. А бесконечное количество случаев, когда историческое написание не сходится с бытовым. Да и мало ли всего. Вот и утверждай, что ты знаешь свой язык.

В заключение об языкознайцах советую запомнить (в жизненном пути пригодится) изречение не то Кузьмы Пруткова, не то премудрости сына Сирахова, или еще кого-то: «Не всякий, кто громко кричит в театре браво и бис, обязательно знает итальянский и латинский язык».

И, пожалуйста, в такие языкознайцы вы меня не выставляйте. Faites moi le plesir! Bitte! Oro te, Domina! По-гречески даже для такого случая не помню подходящего слова и ставлю наиболее памятное, очевидно, по практике жизни: «Либо пей, либо уходи».

После этого полагается еще одна латинская фраза (см. Чехова «Писатель»): Dixi et animam levavi. А дальше уж (со вздохом облегчения) подпись — *П. Бажов.*

Из письма к Л. И. Скорино

25 марта 1945 г.

Наш деловой разговор, начатый на «гороблагодатском вечере», оказался незаконченным и, к сожалению, не имел условленного продолжения на следующий день… Выезд из Москвы пришелся какой-то неожиданный и суматошливый. Наш свердловский вагон прицепили почему-то к 44, который отходил вечером 21. Не удалось побывать даже на художественном совете, где должны были говорить о «Каменном цветке». Остались незаконченными и другие вопросы — издательские и союзные. Струсил отстать от своей группы, махнул рукой на все дела в расчете, — спишусь. Вот теперь и приходится.

Одновременно направляю коротенькое письмецо в издательство «Советский писатель» с извинением за невыполненное обещание и с некоторыми практическими вопросами: что, когда, в каком объеме и к какому сроку я должен сделать? Интересуюсь также их отношением, к переговорам о параллельном издании в ГИХЛе по плану 47 г., а также публикацией сказов в изданиях типа трехлистной «Библиотечки „Огонька“».

Здесь, мне кажется, надо договориться начистоту, без обиняков и недомолвок. Не говоря уж о том, что я много обязан «Советскому писателю» за прекрасное издание 42 г., меня тянет к этому издательству хотя бы то, что в его распоряжении находятся рисунки покойного К. В. Кузнецова. Правда, не все там мне нравится. Я не хотел бы, например, повторения замены грациозного горного козлика домашним козлом, приказчика — офицера-гвардейца охотнорядцем, милой подвижной ящерицы каким-то чудовищем, но зато там есть иллюстрация к «Каменному цветку», выражающая основную идею книги. Возможность сохранить для книги часть иллюстраций Кузнецова и особенно первую уже тянет к издательству «Советский писатель». Поэтому прошу сообщить, как с этим предполагается: будут ли использованы рисунки первого издания, или все будет формироваться снова?

Знаю одного художника Парамонова. Он глубокий старик, но прекрасный и быстрый рисовальщик. В этом убедился на недавнем опыте. В последний день он рисовал меня в течение одного часа. Ворчал, что этого мало, что так нельзя, но, по-моему, у него вышел самый занятный портрет из всех других. Он, правда, украсивлен, но умеренно. Вот посмотрите! Разумеется, не сравниваю с работой Бершадского, но там масло и несколько

месяцев работы, а здесь карандаш и один час. Старик интересен и тем, что знает Урал не из окна вагона и не в радиусе пригородов Свердловска, а гораздо шире и глубже, так как жил здесь довольно долго. Здесь он страдал той же болезнью живых камней, от которой я не могу до сих пор освободиться. Типографское и литографское дело он знает хорошо. Главный его недостаток тот же, что у меня — старость, но он работает без очков, и офорт «Васнецовская избушка в Абрамцеве», который он мне подарил, говорит, что художник еще не потерял способности очень тонко передавать пейзаж. Словом, советую не пренебрегать стариками, предварительно не ознакомившись. Причем имейте в виду, что я с ним по этому вопросу не говорил ни полслова. Это уж дорогой пришло. Мы же с ним старые приятели. Годов двадцать тому назад он рисовал мой первый портрет. Если помните, тот, что висит в столовой. Тогда у меня была еще настоящая борода, хотя и побуревшая. Художник именно интересовался этой расцветкой, и вот осталась памятка. Припомнил это, припомнил его искания живых камней, погибшую роспись столовой «Дома крестьянина», тяготение к Васнецову, исключительно теплое отношение к покойному художнику К. В. Кузнецову и решил об этом написать вам в расчете, — а вдруг что-нибудь выйдет. Так это и понимайте, без преувеличения, а эскиз портрета все-таки посмотрите.

Письмо к А. С. Мякишеву

24 июля 1943 г.

Глубокоуважаемый Александр Семенович! Простите, пожалуйста, что так безобразно задержался с ответом. В оправдание себе могу сказать только о своей стариковской ослабленной работоспособности при большой сравнительно загрузке. Сильно мешала и слепота. Ведь я теперь могу разбирать даже печатное только через очки, усиленные лупой, а ваш почерк, внешне красивый, никак нельзя отнести к разряду легко читаемых. Между тем хотелось прочитать, так как на слух как-то не могу привыкнуть воспринимать вещи. В результате и вышло это безобразие. Простите, пожалуйста.

С другой стороны, и вы постарайтесь сделать из этого случая полезный для себя вывод. Если придется еще посылать свои работы, — а это, вероятно, будет, — то предварительно приводите их в удобочитаемый вид. Лучше всего перепечатывайте на машинке. Имейте в виду, что в наши дни даже «присяжные рецензенты» отвыкли разбирать рукописное, и когда столкнутся с ним, то читают с пятого на десятое, что, разумеется, не в интересах автора. Отсюда необходимый вывод: если затрачено время и труд на рукопись, то надо найти возможность показать свою работу в удобочитаемом виде. И смею заверить, это играет очень значительную роль. Теперь о рукописях.

«Жизнь Потоскуевой улицы» мне понравилась больше. Там есть очень правдивые и свежие куски. Таково, например, описание семейного быта. Тут всему веришь вплоть до речевых особенностей. Прекрасно описана поездка в воскресный день за травой, где работа сочетается с отдыхом. Та часть рассказа даже соблазняла оставить его для напечатания в альманахе «Уральский современник». Но остановила другая сторона рассказа — его общее направление по давно пройденной дорожке «Нравов Растеряевой улицы» Глеба Успенского. Правда, в вашем рассказе есть эпизод с золотом, но он мало меняет дело и даже производит впечатление чего-то вводного, тогда как именно эта работа и все с ней связанное являлась основной для Березовска. По рассказу вышло, что старатели и горнорудные рабочие являются вкраплением среди сапожников, портных и людей обслуживающего труда, а в действительности это было не так. Ошибка, видимо, произошла потому, что вы просто брали ближайшее действительное окружение, не задумываясь над тем, является ли оно типичным для горнорудного поселка. В силу этого и получилось, что в рассказе основное население оказалось

в тени, а такие характерные профессии, как гранильщики и искровщики вовсе не упомянуты. Но, повторяю, в работе все-таки много интересного. В заключение совет — всегда критически относиться к рассказам стариков, хотя бы и самых добросовестных и надежных, так как многое они могли позабыть или неправильно понять по своей малой грамотности.

Например, «тайный советник Чубарков» представляет собой историческую несообразность. Тайный советник, как известно, по табели рангов относился к «особам второго класса», которые были наперечет в государстве. В уездном городе людей этого чина не могло быть хотя бы потому, что возглавлявший губернию был ниже чином.

Не менее критически надо относиться и к литературным источникам прошлого. Кроме упоминавшейся уже работы Глеба Успенского «Нравы Растеряевой улицы» мы знаем огромное количество других работ такого же типа, где пьянство, темнота и полузвериный быт подавались особенно густо. У старых писателей к этому было много оснований. Подбором темных красок они пытались привлечь внимание к вопросу о необходимости переустройства и повышения культурных мероприятий. Это, разумеется, было по-своему понятно, так как в прошлом было действительно много темного. Но теперь давно пора рассказывать о прошлом по-другому. Темное темным, а ведь были в прошлом и ростки того, из чего родилась революция, героика гражданской войны и последующее развитие первого в мире государства трудящихся. При чем это были не редкие единицы. Не из поголовного же пьянства и темноты выросли новые люди. Поселки рабочего типа в этом отношении выделялись особо. Значит, и ростков светлого там было больше.

По всем этим соображениям хочу предложить вам еще раз продумать и пересказать то, что вы написали. Лучше под другим заглавием, чтобы не тянулась ниточка к «Нравам Растеряевой улицы», столь хорошо известной всем. Причем ни на минуту не следует забывать, что главное — отразить жизнь золоторудного поселка.

Рассказ «Отец Паисий» мне вовсе не понравился. Воспроизводить сравнительно далекое прошлое можно только при условии внимательного изучения и знания всех исторических деталей, а без этого получится полная несуразность.

Ваш рассказ отнесен к 1743 году и начинается звоном скитских колоколов. К вашему сведению сообщаю, что скитники не употребляли колоколов, считая их разновидностью «печати антихристовой». Впоследствии, правда, появилось стремление старообрядцев завести на своих церквах колокола, но

православное духовенство и правительство упорно этому препятствовало, и лишь в 1824 году, при поездке Александра, екатеринбургским старообрядцам «белопоповцам» удалось, и то особым путем, добиться разрешения на колокольный звон. У скитников же были так называемые «била» и «клепала».

Это бы, конечно, легко исправить, но горе в том, что такие же несуществовавшие подробности у вас идут по всему рассказу. Там в сущности ничему не веришь, кроме того, что скитники могли и, вероятно, занимались скупкой золота. Но делалось это в других условиях, и ваше описание совсем даже не приближает к исторической действительности. Скитников, например, вы одели в рясы, а одного даже опоясали сверх рясы, а на самом деле они никогда ряс не носили; поставили им коньяк, который, вероятно, пришел в Шарташ позднее на полвека. Цены на золото и количество скупленного тоже не очень правдоподобны. Надо ведь не забывать о времени. Тогда, как известно, золотопромышленность из россыпей только делала свои первые шаги. Ажиотаж с золотоскупкой, охвативший купцов, пришел много позднее, а у вас это рисуется, как уже привычное дело: на дорогах заставы, исправник «в полном курсе» и т. д. Словом, исторические вещи требуют более глубокого знакомства со всеми мелочами того времени, которое описываете.

Хотелось бы, чтобы это огорчительное письмо не расхолодило вашего желания писать. Те сорок лет, которые вы провели на Березовском заводе, дают все же вам большое преимущество, чтобы отразить жизнь этого интересного во многих отношениях города. Только лучше писать на основе своих личных наблюдений и переживаний, как это сделано в первом рассказе. Рассказы стариков тоже неплохо записывать, но это лучше делать документально, без попытки их типизировать. Это уж придет потом, когда в связи с такими записями изучите более полно историю района. Не следует пренебрегать и литературными источниками и архивным материалом. Последнее особенно важно для современности, так как часто история подавалась людьми, имевшими прямое отношение к правившим тогда группам, и поэтому, естественно, отражала в выгодном свете лишь то, что интересовало читателя того времени и определенной классовой принадлежности.

Итак, простите за медлительность и не посетуйте на отзыв.

Дневниковая запись

12 августа 1945 г.

Четверг 8 августа оказался памятным. Сегодня понедельник следующей недели, а он не выходит из головы. Приходится записать.

Вечер был посвящен начинающим. В их числе оказался школьный учитель. Во время войны он ходил добровольцем танкового корпуса, был ранен и дважды, кажется, награжден. Естественно, что теперь он хочет отразить в литературе свои переживания во время войны, хотя самый богатый материал им накоплен в другой области, — в области деревенского быта и наблюдений над природными явлениями. Это сказалось и в его творчестве. Рассказ, в общем никудышный с точки зрения фабулы, оказался великолепным по отдельным вкраплениям в пустую породу. Привлекает уже самое название первого рассказа «Окунь — он в корнях живет». Заглавие фразой, по-моему, одно из труднейших. Тут надо что-то очень яркое и короткое подобрать. Редко кому удается. Здесь, мне кажется, удача бесспорная. По этой короткой фразе видишь основного героя, — хоть портрет пиши. Так и встает перед тобой широкобородый старик, может статься, с лысиной, а то еще и в седых кудрях. Он, может быть, не очень далек, но верит себе и склонен поучать. «Окунь-он в корнях живет». Широкая борода и «густой» голос здесь вполне уместны. Это не тенорок, не хитроватые глазки и узенькая бородка. Тогда бы были другие словосочетания: «Окунек — он корешки любит». Еще лучше оказалось название одного из действующих лиц — Павелко. Меня это просто поразило. Сам ношу это имя, знаю, кажется, все его изменения: Паша, Пашутка, Пашуня, Павлик, Павлушка, Павка, Пашка и т. д., а такого даже не предполагал. И в то же время это необыкновенно просто и естественно. Своего рода один из бесконечных показателей, что можно подшитые кожей штаны у письменного стола просидеть, а не выдумаешь того, что можно подслушать в жизни. И это дает толчок к твоим словообразованиям. После Павелко немудрено составить что-нибудь в таком же роде. Богат оказался рассказ и подробностями, взятыми из наблюдений над природой. Чувствуется, что автор много знает и умеет передать теми яркими речениями, которые сложились в народе, как обобщение этих наблюдений. Конечно, и гагара кашляет, и перепелка жалуется — «вот поведут! вот поведут!» Приятное впечатление произвело, что автор не слишком легко устремляется по проторенным дорожкам.

В рассказе есть место, когда старик рыбак должен раздеться и

полезть в воду, чтоб вытащить окуня. По всем литературным традициям в таком случае полагается, чтоб онуча пахла, чтоб человек осматривал свое нагое тело со вздувшимися жилами, синими венами. По поводу загорелой морщинистой шеи тоже добавка привычная. Ничего этого в рассказе нет, и это производит впечатление свежести. Так оно и должно быть, чтоб читатель не припоминал: «А вот так же у Бунина, а это у Чехова». Да и правильней, кажется, что в простых деревенских условиях такие детали, как раздевание или одевание, не замечаются. Надо — разделся. Что ж тут необыкновенного? По этому случаю вспомнился случай из своей газетной работы. Ехали, кажется, в Талицком районе. Надо было спросить дорогу к одной из артелей, куда пробирались с агрономом, помнится, Белоноговым (с ним мне все-таки порядочно пришлось поездить). Спросили у пастухов. Те показали вдоль дороги и пояснили: «Видишь вон, девки: купаются. Так вот, не доезжая маленько, свороток налево увидишь. За лесом-то его отсюда не видно». Потом, поглядев в сторону купающихся, добавили: «Ишь их, холер, полон мыс набилось! Не иначе из артели есть. Близко тут. Вы спросите которую. Проводит, а то у них с поворотка-то плетень пойдет, дорожек много, а все по лесу. Сбиться просто». Эта вот простота отношений, предполагающая возможность спрашивать дорогу у «купающихся девок», вспомнилась здесь. Девки, вероятно, подняли бы сперва визг, но потом, узнав, что у них спрашивают «про дело», спокойно объяснили бы. Но мы, городские люди, постеснялись и в результате, верно отправившись по дорожке, запутались потом в ее многочисленных ответвлениях. Вечером в артели над нами же смеялись: «Испужались наших девок. Думали, поди, — лешачихи!» «Вот и угадали на заводский картофельник. Почитай, пятнадцать верст проколесили, а тут и двух не наберется». «Здорово их девки-то испужали! Свету не видят, гонят почем зря!»

Деревенский человек, хотя и работающий уже свыше двадцати лет в школе, автор впитал эту простоту и прошел мимо такого момента, как раздевание и одевание, но он не забыл живо представить старика, упомянув о всплывшей бороде. Эта всплывшая борода тоже заметный показатель того, что у рассказчика есть несомненные данные писателя: он видит тех, о ком пишет.

Второй его рассказ «Язь — рыба хитрая» представляет собою нечто совсем непохожее. Прежде всего заголовок. Поставленный рядом с предыдущим, он кажется нарочитым. Похоже, что автор занялся рыбацкими рассказами. Деревенское обрамление здесь сделано гораздо хуже. Нет ничего, что бы запоминалось так же,

как в предыдущем, по сюжету никудышном рассказе. Зато здесь найден очень оригинальный сюжет военного рассказа с глубоким философским обобщением. Причем выглянули детали, которые не всегда доступны писателю даже в звании военного корреспондента. Там может быть физическая близость, но всегда имеются элементы подтянутости, такой же, как, например, при фотографировании. Людей иной раз и просят: «держитесь свободнее, естественней», но каждый тем не менее помнит, что «его снимают» и старается «показаться лучше». Здесь чувствуется близость другого порядка: автор видит людей в будничной обстановке так, как в действительности. Как политработник одного из боевых подразделений, он, дважды раненный, был, конечно, не сторонним зрителем, а одним из участников жизни рядового бойца и поэтому мог видит ее во всей полноте и без прикрас. Кажется правдивым, что красноармейцы во время вынужденного безделья разговаривают… о рыбалке. Один из бойцов оказался специалистом по ловле язей. Над ним немного подсмеиваются, не вполне доверяют, что есть такая специальность. Он в ответ рассказывает довольно подробно об особенности рыбалки на язей. Рассказано это длинно и запутано боковыми подробностями, но это не мешает понять читателю, что ловля язей в сущности очень сложный спорт, требующий большой наблюдательности, выдержки и терпенья. Заканчивается рассказ вызовом рассказчика к командиру. Оставшиеся бойцы переговариваются между собой по поводу ушедшего.

— До язей охотник! Недаром он уж восемь языков привел. Научился язей-то ловить.

Дальше в рассказе идет довольно длинное подтверждение этой мысли, что, конечно, только портит. Рассказ хорош как попытка привлечь в литературу те мелочи нашей русской жизни, которые незаслуженно забыты.

Опять экскурс в личные воспоминания. Краснокамск в период его строительства. Опросный лист Постройкома, как кто провел месяц отдыха. Из тридцати двух ответов большинство признано «культурными». В переводе на разговорный язык это значит, что люди брали путевки и куда-нибудь ездили. В том числе, помню, упоминались и Шарташ и Сысерть. (Тогда еще Краснокамск входил в пределы Свердловской области.) Но оказались и «некультурные». Один, как значится в листе, целый месяц рыбачил на Лысьве, другой — ягодничал да сенокосил. Таких старались поворачивать «к культуре», а надо ли? Прожить месяц на Камском берегу, на мой взгляд, не хуже, чем в Сысерти, которую я знаю и люблю, как место родины, но все же не решусь утверждать, что стоит с Камы ехать к стоялым водам пруда. Про

Шарташ и говорить нечего.

Неверной кажется и недооценка некоторых видов старого русского спорта, вроде хотя бы рыбалки. Какое-то напоминание об этом, если даже оно дается мимоходом, кажется полезным.

Письмо к Л. И. Скорино

18 сентября 1945 г.

Спасибо за письмо и новости, которые меня касаются. Буду надеяться, что по выходе работы В. О. Перцова вы не откажетесь направить экземпляр и в мой адрес. Буду благодарен.

Дальше хождение по канату, то есть ответы на ваши вопросы. Боюсь, что и на этот раз не сумею ответить, как надо. Будьте снисходительны. Я же, как вам известно, не очень умею анализировать, не привык к абстрагированному мышлению и не настолько грамотен, чтоб понимать вопросы в терминологической постановке литературоведов. Мне нужно объяснять более конкретно и длительно, что от меня требуется. Естественно поэтому опасение, что не сумею ответить с исчерпывающей полнотой и точностью, как бы ни хотел этого. Все же постараюсь ответить в меру своего понимания и сил, а уж вы разбирайте, «которое о здравии, которое за упокой».

По первому вопросу мне хотелось бы думать, что всегда действую по правилу, сформулированному Д. И. Писаревым, — идея прежде всего. Но должен сознаться, что иной раз сказочный образ вызывает аналогии, антитезы, параллели и тянет за собой, конечно, в пределах занимающих тебя идей. Одно несомненно, — образ у меня не возникает из пустоты, из нета, от письменного стола, а берется, подыскивается, подбирается из фольклора. И в этом, если хотите, и сила образа. Это вам не метафора, не изящество влияний, а корень. Поверьте, самая блестящая выдумка — пустяк по сравнению с тем безыменным творчеством, которое называется народным. Чувствую, что это вам не совсем по пути, но иначе не могу. Допускаю, что среди гранильщиков и ювелиров процент ремесленников выше, чем в других группах работников искусства, но все же художники встречаются, и мне кажется, что оказаться в этом ряду не хуже, чем среди живописцев, скульпторов и литераторов.

По вопросу о детали не ясно понял. Думаю, что безбытовой детали не выйдет живого ни в реальности, ни в фантастике. У меня, например, есть койкакие запасы по башкирскому фольклору, но я их не пускаю в дело именно потому, что чувствую себя слабым в отношении бытовых деталей для этого рода запасов.

Как складывается сказочная деталь, это объяснить не умею. Причина, вероятно, в том же, о чем уже говорил выше: образ не выдумывается, а берется готовым с деталями. Правда, он видоизменяется, преобразуется в зависимости от основной мысли

автора, но, как говорят строители, не выходя из габаритов: козлику Серебряное копытце не дается волчьих признаков; лисе (свахе и няне башкирского фольклора) нельзя приписать что-нибудь, не свойственное этому типу.

По поводу выписок из своей картотеки должен напомнить, что я очень скуп, но для своего исследователя, конечно, вынужден раскошелиться… хотя бы из тех, которыми не рассчитываю воспользоваться. Видите, какой щедрый!

Записи эти иногда сводятся к одной-двум строкам; иногда довольно обширны. Вот образец коротенькой:

«Девка Азовка печки затопила». И только. Остальное предполагается в памяти. Речение бытует и понятно в районе Полевского завода. Низкая облачность, как бы начинается из средины хорошо видимой из завода горы Азов. Такая низкая облачность считается признаком затяжного ненастья. От этих печей в горе, разумеется, можно танцовать, и полевские старики ведут занятный танец, но мне он уже не нужен после сказа «Дорогое имячко» и естественно, что я эти дополнительные разговоры забыл.

Вот другая запись. Она тоже мне не нужна, так как взята из печатных источников — из газеты «Екатеринбургская неделя» за старые годы. Запись мне важна скорее, как показатель, что мы просто не знаем работы по уральскому фольклору своих предшественников. Эта часть записи достаточно подробна. Особенно отчетливо записано, что легенда передавалась в нескольких вариантах, совсем не похожих один на другой. Отмечена и фамилия автора, скрывшегося под странным псевдонимом:

«Их хабе нихт…» Самый же сказ тоже записан коротенько:

«Реальные основания — два больших камня (известняк разрушенной формы) по разным берегам озера Аллаки. Один из камней называется Бей-таш, другой Кинель-таш.

Сказание относится к эпохе великанов. Краткое содержание. Благочестивый бай (не только совершал все указанные законом омовения и посты, но даже не взял себе молодой жены, когда первая стала стариться) имел не менее благочестивого сына. Сына этого женили на богатой и хорошей девушке, но счастье семьи было нарушено сварой между свекровью и невесткой. Старый бай не смог уладить эту бытовую неурядицу и ушел куда-то в пустыню. Не справился и молодой бай. Тоже сбежал. Оставленные женщины подняли такой крик, что аллах разгневался и топнул ногой на сварливых баб. Бабы окаменели, а на том месте, где топнул аллах, образовалось озеро».

Сказание, как видите, забавное, но только я бы заставил

аллаха выплеснуть на женщин ведро воды и назвал бы сказ «Небесное ведро».

На вопрос о значении слова именно в сказе не знаю, как отвечать. Думается, что вся забота здесь сводится к тому, чтобы не выйти за пределы лексического запаса, которым пользуются люди, от лица которых ведется сказ.

Сказы ложатся на бумагу, конечно, по-разному. Иногда почти сразу, но чаще с многократным переписыванием. Главная трудность найти подходящее слово. Все-таки ведь обычно говоришь и пишешь на привычном литературном языке, и переключение на народную речь прошлого не легко даже и тем, кому эта речь была «лянг матернель». Много путают все эти сложносочиненные и сложноподчиненные с удобными, как обношенные сапоги, связками: который, когда, чтобы и т. д. Не думайте, что это легко! Вторая трудность подыскивание выразительного слова, которое бы, даже будучи совершенно новым для читателя, не заставляло бы его лезть в словарь, а укладывалось в сознании, как привычное, вполне понятное.

О своем отношении к фонетическим неправильностям, какими «смешил почтенную публику» Горбунов, я уже говорил. Там, где подобного сорта слова лезут в диалог, всегда стараюсь заменить их адекватными словами и выражениями, которые бы не содержали насмешки над речью неграмотных людей прошлого. Это, между прочим, тоже не всегда легко.

Вот, кажется, все. О своей работе, пожалуй, и писать нечего: работаю плохо. Могу назвать очень немного вещей, которые были написаны за последнее время: «Круговой фонарь» (печатался в «Уральском рабочем» и «Краснофлотце»), «Алмазная спичка» («Уральский рабочий» и «Вечерняя Москва»), «Орлиное перо» («Уральский рабочий» и «Октябрь»), «Голубая змейка» и «Золотые дайки» (еще не появились в печати). Последний сказ предполагался началом специального цикла (о Березовском золотом руднике), но, думаю, едва ли выйдет, не сумел найти времени, чтобы посидеть в Березовске месяц-два. Долго возился со статьей о Свердловске. Написал листа три, даже с гаком, который пришлось сбросить. Работа не задалась. Получилось что-то вроде окрошки из личных мемуаров и попыток описать город на разных этапах его жизни. Но предварительная возня с материалом сильно растревожила. Ведь нет у нашего города полно записанной истории, а он стоит. И как еще стоит!

Путь развития Свердловска настолько своеобразен, что надо удивляться близорукости наших историков и экономистов, которые до сих пор не догадались заняться всерьез этим городом. Главное, он рос за счет инициативы «нижних слоев» и, может

быть, даже в какой-то степени за счет «людскости тамошних женщин», чему в свое время дивились разные «знатные путешественники».

А печать? Ведь в этом уездном городе постоянно действующий печатный орган появился с 1879 года. Попробуйте посмотреть в справочных изданиях и вы убедитесь, что это показатель для уездного города тех дней совершенно исключительный. А комбинированная Биржа начала нынешнего столетия? Из 71, какие имелись тогда во всей империи! Это ведь тоже штука! Словом, одно раздражение.

Из письма к Е. А. Пермяку

27 октября 1945 г.

…Прежде, чем поставить бутару, как известно, надо подыскать пласты, старые или новые, это безразлично, — ради которых стоило бы этим заняться. Охотников искать стоящие пласты у нас крайне мало. Как работающему рядом с историей, мне это особенно видно. Перелопачивают, что полегче, а копнуть заново боятся и не хотят. А когда такое же почти видишь в историческом романе, то становится не по себе. Да еще хотят «всего достичь, не утруждая ни глаз, ни зада», — за счет «голого таланта», а не выходит. И никогда не выйдет без большого участия глаз и сидения даже при самой большой одаренности. У стариков надо учиться именно этому непривычному для нас искусству. Разве наш национальный гений А. С. Пушкин не поразителен и своей трудоспособностью? Работая над историей Пугачевщины, он не только месяцами сидит в архиве, но он едет на Урал. Это ведь не на самолете и даже не в вагоне, а на перекладных. Попробуйте представить кое-кого из наших современников за адекватным трудом! Написали бы несколько томов своих дорожных впечатлений, десятка два рассказов, два романа, четыре пьесы, пять сценариев, один малоформистский сборник, а у Пушкина все это вошло частично в «Капитанскую дочку» да в отдельные строки стихов. Вот и выходит густо. Читаем иных современников и говорим: «А у предшественников лучше». Да потому, что у предшественников труда больше предшествовало, чем у нас. Словом, был и остаюсь сторонником труда в литературе. Стоя на этой позиции, утверждаю, что каждый через какой-нибудь десяток лет работы может дать изумительное по своей неожиданности полотно…

Из письма к Л. И. Скорино

27 октября 1945 г.

…Видели московское издание «Зеленой кобылки»? Оно немножко приглажено со стилевой стороны, так как редактор боится всяких «провинциализмов». Беда, впрочем, небольшая, хотя свердловское издание с текстовой стороны мне больше нравится. Вообще книжечка внешне не плохая, рисунки Баюскина приятны. В библиографических заметках отмечают: живо, весело, занятно, и коротенько передается содержание. Вот и все, а о главном никто даже не упоминает. О чем это говорит? Только о том, что изучаемый вами объект, как осенний листок, совершенно беспомощен, оторвавшись от дерева — фольклора. Беспомощен настолько, что даже редактирующие его люди не очень отчетливо понимают, что же он хотел сказать. Так и быть, скажу, «о чем мечталось, когда писалось».

Приключение мальчуганов, помощь революционеру, — все это лишь фабульные крючочки и петельки. Главным ставилось другое и совсем не маленькое. Хотелось по-другому показать условия воспитания ребят в средней рабочей семье в противовес тому, что у нас нередко изображалось. Да, была темнота, но не такая беспросветная, как в «Растеряевой улице», в подъячевских рассказах, или даже в чеховских «Мужиках». Была и нужда и материальная ограниченность, но ребята не слабосильными росли: из них ведь выходили те мастера и подмастерья, которые играючи ворочали клещами шестипудовые крицы и подбрасывали в валок тяжелые полосы раскаленного железа. Была и детская беспризорность, но она значительно ослаблялась тем, что ребята очень рано начинали себя сознавать ответственными членами семьи. Пойти на рыбалку значило — «добыть на ушку, а то и на две», сходить в лес — принести ягод или грибов. Причем количественные и качественные показатели нередко проверялись совсем посторонними людьми. «Ну-ка, покажи, что наловил? Сколько набрал?» И ты волнуешься, что скажет этот неожиданный судья. А дома эти показатели подвергаются Дополнительному обсуждению с привлечением масс: «Смотри-ка, Петюнька полнехоньку корзинку приволок, ягода на отбор!» «А у Санухи вот Митька до десятого году дожил, а все кружку набрать не может!» Этого, правда, в книжке нет, но оно сказано по-иному.

Разве это не интересные явления общественного воспитания? А спорт и соревнование прошлого? Спорта в привычном для современного читателя виде не было, но ребята все же знали, кто сильнее, кто ловчей, кто лучше плавает, лучше бегает, кто более

меток не только среди своих ближайших товарищей, но и у «врагов», — в соседних улицах. Ведь это же все измерялось, проверялось, всячески взвешивалось.

Большая надежда возлагалась и на «заединщину». Это не то же, что школьная дружба, и это явление не городское и не сельское, а именно заводское, — своего рода отражение в детской жизни того, что у взрослых выражалось понятием «наша смена», «человек нашей смены».

Но оказалось все это непонятым, не привлекшим ничьего внимания. Вот вам и творческие возможности вашего объекта! Стыдитесь, кого выбирали! Да еще ряды составляете! Ну, ваш объект и Лесков — это еще стерпеть можно, как разновидность старой темы «Муска эт таурус», но Чехова приплетать даже в самой завуалированной связи — это, извините, кощунство, святотатство, литературное неприличие. Чехов для меня фигура несоизмеримая, почти стихийная. Порой кажется, что он многое делал по наитию. Присел вот к столу на часок, на два — и написал «шуточку», заключив в этой капельке сложнейший вопрос человеческих взаимоотношений. Ведь у Куприна, даже у Бунина все-таки можно узнать, как это делалось, а у Чехова, особенно до его «хмурого периода» никаких концов не видно. Что это? Высшая степень искусства или то, что зовется наитием? Отвергаете такой термин? Ну, ваше дело, а оно все-таки у Чехова было. Кажется, что многое у него отливалось в совершеннейшие формы без предварительной кропотливой формовочной работы и не требовало последующей чеканки. Так что не шутите около этого имени. Мне вон не нравится даже издание писем А. П. Чехова. Там много блеску, немало всяких литературоведческих ключей и отмычек, но это все же как-то приземляет его, придает ему черты просто мастера высшего разряда, а мне этого не хочется. Для меня он несоизмерим, несравним, почти стихиен…

Дневниковые записи

12 декабря 1945 г.

Старые рудознатцы и рудоискатели нашего края всегда дорожили добрым глядельцем, — таким смоем или обрывом, где хорошо видны пласты горных пород. По таким глядельцам чаще всего и добирались до богатых рудных мест. Была, конечно, и сказка об особом глядельце, не похожем на обычные.

Это глядельце не выходит наружу, а запрятано в самой средине горы, а какой — неизвестно. В этом горном глядельце все пласты земли сошлись, и каждый, будь то соль или уголь, дикая глина или дорогая порода, насквозь просвечивает и ведет глаз по всем спускам и подъемам до самого выхода. Однако добраться до такого глядельца одному или артельно невозможно. Откроется оно только тогда, когда весь народ, от старого до малого, примется в здешних горах свою долю искать.

Таким горным глядельцем оказались для меня годы войны.

Казалось, с детских лет знаю о богатствах родного края, но за годы войны здесь открыли столько нового и в таких неожиданных местах, что наши старые горы показались по-иному. Стало ясно, что знали мы далеко не о всех богатствах, и теперь это еще до полной меры не дошло.

Любил и уважал крепкий, выносливый и твердый народ своего края. Годы войны не просто это подтвердили, а во много раз усилили. Надо иметь плечи, руки и силу богатырей, чтоб сделать то, что сделали на Урале за годы войны.

В начале войны было сомнение, следует ли в такое время заниматься сказкой, но с фронта ответили и в тылу поддержали.

— Старая сказка нужна. В ней много той дорогой были, которая полезна сейчас и пригодится потом. По этим дорогим зернышкам люди наших дней въявь увидят начало пути, и напомнить это надо. Недаром говорится: молодая лошадка по торной дороге легко с возом идет и о том не думает, как тяжело пришлось тем коням, которые первыми по этим местам проходили. То же и в людской жизни: что ныне всякому ведомо, то большим потом и трудом прадедам досталось, да и выдумки требовало, да еще такой, что и теперь дивиться приходится.

Так вот освеженным глазом смотреть на родной край, на его людей и на свою работу и научили меня годы войны, как раз по присловью:

— После большой беды, как после горькой слезы, глаз яснеет, позади себя то увидишь, чего раньше не примечал, и вперед дорогу дальше разглядишь.

14 декабря 1945 г.

Как-то мне пришлось довольно долго наблюдать работу по огранке изумрудов. Камень при раздаче часто казался совершенно одинаковым по величине и расцветке. Обрабатывался он высококвалифицированными гранильщиками по одной форме, а все-таки при сдаче получалась большая разница.

Старый мастер-практик порой ворчал:

— Куст затемнил, куст замазал, на бок сбил, раздробил, подмигунчика смастерил…

Одну огранку пренебрежительно называл — боязливая, спотыкливая, унылая, сблизь; другую снисходительно одобрял: веселая, казовая, глазастая, богатая; третью принимал с усмешкой: на пустой глаз, на прямого дурака. Выше всего ценил огранку, которую называл теплой, когда камешек не только ровно излучал свет, но и казался теплым на руке. По поводу этой огранки старик пояснил:

— Мастерство тут в том, чтобы все фасетки, сколько их ни будь, одинаково к кусту подвинуть. Не дальше и не ближе. Не всякому глазу и руке такое в пору. Редким дается.

Эти простые слова старого мастера, на мой взгляд, как раз выражают то главное, чем отличается наша советская демократия.

Видим мы это на каждом шагу. В списках членов Верховных органов управления страны, Героев Советского Союза, лауреатов Сталинской премии, в Указах о награждении орденами и медалями, в кинохронике, в иллюстрациях наших газет и журналов, на любом собрании, при коллективном выступлении перед микрофоном. И сила вовсе не в том, что у нас кузнец и академик, директор большого завода, и оперная певица, доярка и конструктор самолетостроения могут итти в одном ряду, спокойно меняя порядок.

Сила в другом. У нас, в условиях советской демократии, это никого не удивляет, как самое простое, обычное, рядовое. У нас каждый, где бы он ни стоял — вверху или внизу, справа или слева, чувствует себя одинаково близко к основному узлу, одинаково освещен и согрет, если сам не замшел, не отсырел, не запылился.

В этом именно объяснение единства действия нашей демократии и той силы и тепла, какие излучает наша страна.

15 декабря 1945 г.

15 декабря 1945 года открытие Дома литературы и искусств, который, впрочем, теперь склонны больше называть клубом работников искусств. Пришлось открывать мне. При

невозможности пользоваться бумажкой с записями говорил сбивчиво. Хотелось сказать, примерно, что-то в таком роде:

«Каждый город имеет свою историю, свое лицо, свои родимые пятна. Наш город задумывался Петром, как центр горнозаводской промышленности. Таким он и стал. Удачный выбор места В. Н. Татищевым и необыкновенно быстрое развертывание горнозаводской промышленности вскоре сделало город центром не только уральской, но и всей русской горнопромышленности. В то время как в Москве была оставлена лишь горная контора — берг-контора, для управления мелкими предприятиями внутри страны, здесь по петровскому указу 1723 года было учреждено Высшее горное управление (обер-берг-амт), с подчинением ему сибирского Нерчинского берг-амта. Это положение главного центра всей русской металлургии город удерживал и после падения крепостничества, вплоть до того времени, пока не возникла металлургическая промышленность на базе луганских месторождений и донецких углей. Был наш город и центром медной промышленности. С половины XVIII столетия здесь возникла впервые в стране золотая промышленность, которую именно отсюда промышленники перекинули в Сибирь. Таким образом город стал первым центром и золотопромышленности нашей страны. Дальше идет асбест, платина, по которым Урал и теперь монополист в стране. Обилие цветных камней и разнообразие драгоценных и полудрагоценных положили основание камнерезной и гранильной промышленности, сделав город главнейшим пунктом этого рода промышленности.

Такое положение города-центра горнозаводского дела не могло пройти бесследно для организации и роста кадров интеллигенции. В первые же годы, еще при Татищеве, здесь была организована арифметическая школа для подготовки техников своего времени. Из этой школы вышли наш первый теплотехник Иван Иванович Ползунов и не менее знаменитый, но еще мало показанный, гидротехник Козьма Дмитриевич Фролов. Эта линия на подготовку в первую очередь людей, практически необходимых производству, проходит явственно в истории города. Уральское горное училище здесь возникло гораздо раньше, чем другие. Художественно-ремесленная школа была, а учительской семинарии не было. Даже библиотека гуманитарно-исторического типа здесь впервые организовалась лишь в последнем году прошлого столетия.

К годам Октябрьской революции та редкая прослойка интеллигенции, о которой говорил В. И. Ленин, как одной из особенностей Урала, здесь, в этом городе была заметно односторонней. Людей со званием горного инженера; инженера-

механика, инженера-химика здесь было встретить легче, чем людей другой группы образования.

Недавно вот вышла книжечка „Поэты ярославцы“. Смотришь на эту книжечку и невольно возникает сравнение. Ярославцы сумели насчитать немало имен, начинай с Н. А. Некрасова. Не все имена, конечно, равнозначны. Но из тех, которые приведены, любой грамотный знает И. З. Сурикова, может быть, читал Ю. Жадовскую, слыхал о И. И. Пальмине и безусловно знает Леон. Ник. Трефолева хотя бы только как автора „Камаринского“.

Урал несоизмерим с Ярославской областью ни по объему, ни по разнообразию профессий, ни по национальной пестроте населения, но он за свою историю не смог отразить это, вероятно потому, что литература и ее представители, а также художники здесь были необычайной редкостью. Урал не может назвать ни одного имени из поэтов, которое имело бы звучание по всей стране, пусть даже третьестепенное. Из прозаиков, связанных с Уралом, страна знает два имени: Ф. М. Решетникова и Д. Н. Мамина-Сибиряка. Из художников известны Корзухин, в какой-то степени Туржанский и, может быть, Денисов-Уральский. Из историков края мы можем назвать только одно имя Н. К. Чупина, работы которого если не вышли далеко за пределы Урала, то в значительной степени стали достоянием страны через исторические полотна Мамина-Сибиряка.

Театр в нашем городе существует свыше ста лет, но справедливость требует сказать, что первые десятилетия его жизни в пору крепостничества носили заметно выраженный характер исключительно развлекательного зрелища. Не сумел он войти плотно в жизнь Урала и в последующие годы. Об этом можно судить потому, что за все это время почти не было попыток поставить на сцене пьесу на уральские темы, если не считать „Золотопромышленников“ Мамина-Сибиряка. Так было вплоть до революции.

Это преобладание технической интеллигенции не прошло незаметным для руководителей тех мероприятий, какие были приняты, чтоб выровнять положение. Поговорю только о важнейшем.

Декретом от 19 октября 1920 года здесь организован был университет. Правда, недостаток профессорских кадров для наук гуманитарного характера внес в это дело свою поправку. В университете легко возникли факультеты технического порядка, которые дальше отпочковались в специальные институты, но такие, как исторический, филологический, стали заметными лишь в последние пять лет. Печальным показателем надо признать, что за двадцать пять лет своего существования

Уральский университет не дал ни одной фундаментальной монографии по Уралу.

В числе мер по усилению роли работников всех видов искусства в жизни города немаловажное значение должен иметь и Дом, в котором мы сегодня собрались. Этот Дом литературы и искусства был организован здесь по инициативе известного советского писателя Бориса Горбатова и стал центром, где работники могли встречаться и совместно искать пути лучшего отображения людей нашего края. Было бы неверно сказать, что это сближение принесло ощутительные результаты, но, несомненно, оно сказалось в совместной работе композиторов, писателей, художников и работников сценического искусства над постановкой пьес, опер, балетов. Все это исчисляется пока единицами, но все же это большой шаг вперед.

За годы войны Дом литературы и искусства, естественно, был использован для надобностей фронта. Но вот война кончилась и хотя у города множество самых разнообразных требований, Дом литературы возрождается одним из первых. Думаю, что выражу общее мнение собравшихся работников всех видов искусства, обратившись с благодарностью к присутствующим здесь представителям партийного и советского руководства города и области.

Со своей стороны мы должны учесть те серьезные задачи, которые стоят перед Домом литературы и искусств, и так развернуть работу, чтоб стать достойными выразителями героической эпохи, которой руководит наш Великий вождь, генералиссимус Советского Союза товарищ Сталин».

25 декабря 1945 г.

25 декабря — День рождения Непобедимого солнца. Торжественно, подъемно, но все же на котурнах. Наш русский Спиридон Солнцеворот гораздо лучше. Не только скромнее и проще, но и точнее. Ведь все-таки не рождение, а иное положение солнца относительно земли. Самый обманный день мира. Даже те, кто видит в этом дне лишь календарную условную дату, невольно замечают, и не просто замечают, а с какой-то надеждой, начало прибывания дней, как будто это действительно много значит. Вспоминаешь по этому поводу свои ребячьи переживания и поступки, связанные с этим днем. Слова: «день будет прибывать на воробьиный шаг» воспринимались буквально и принимались даже меры, чтоб ускорить и удлинить воробьиные шаги. И удивительнее всего — в жизни воробьев к этому времени, и правда, происходят какие-то изменения. Может быть, впрочем, это зависит и от того, что с осени как-то забываешь про эту

птичку, а упоминание о ней, да еще в связи с таким важным делом, как приближение лета, заставляет обратить внимание на воробьишку. И вот ты ясно видишь, что воробьишки начинают в середине дня собираться небольшими стайками и весело попрыгивают. Все это дополнительно и создает впечатление заметной уже перемены, — какой-то неуловимый и в то же время всеми чувствуемый и понимаемый «запах весны», а он, этот «неуловимый», и есть та обманная привязка к жизни, которая не ослабевает, а чуть ли не усиливается с годами. «Ну, теперь повеселее станет: дни будут прибавляться, не заметишь, как к весне подойдет». И человек радуется, что за зимой придет весна и лето. Об осени и зиме, которые тоже неизбежно придут в свое время, никто почему-то не думает. Получается огромная зарядка оптимизма, хотя она как будто вовсе не оправдана. Иной раз даже жалеешь, что этот день у нас не так подчеркнуто справляют, как бы следовало. Что ни говори, в таких праздниках, связанных с изменениями в природе, не только ценна оптимистическая зарядка, но и поэзия: каждый праздник неизбежно должен получить свое лицо, которое у Спиридона Солнцеворота в сильной степени закрыто рождественской елкой.

31 декабря 1945 г.

Последний день года прошел как-то нарочито бестолково. Пришлось с утра сидеть за машинкой, выстукивая — свое поздравление для радиовещания. Трудность в том, что сначала это выступление было определено на страницу, потом попросили увеличить размер до двух страничек. Кроме этой количественной неопределенности, сильно мешала и установка говорить только о своей работе. В сущности эта личная работа легко могла быть выражена одной коротенькой фразой: продолжал сбор и оформление сказов. Но пришлось это растягивать и получилось некоторое неудобство, то есть даже перечень изданий, вышедших за год, мог показаться хвастовством. Вот и путался до потемок. Кончил свои две странички уже при огне, а тут пришла разносчица почты и обрадовала извещением из Челябинска. Пока ходил на почту, посланец из радиокомитета унес мое «произведение». Стало стыдно за очень безвкусную штуку. Сел снова за машинку и начал набрякивать что-то другое. Это что-то было попыткой притянуть к Новому году рассказ о рассыпном золоте, впервые открытом Л. И. Брусницыным. За сказкой просидел чуть не до половины десятого, а выступление назначено в десять…

День все же нельзя считать совсем потерянным. Осталось чуть не десяток часов упражнения в печатании, а это теперь у

меня первоочередное. Другим полезным итогом дня кажется возможность отдельно написать о Брусницыне, а не включать его в сказ о золотых дайках, как сперва намечалось. Можно здесь попутно рассказать о толчее, которая в то время была широко распространена на многих уральских заводах. Говорят, что есть кой-какие архивные, неиспользованные материалы. Вот посмотреть, может быть и наберется на сказ «Левушкины крупинки». Центр — внимание к мелочам. Препятствия тут могут быть самого разного порядка. Например, простая невнимательность, переоценка знаний приглашенных специалистов и пренебрежение к своим рядовым служащим и рабочим, зависть, стремление поживиться за чужой счет, а также внешние причины очень неожиданного рода вплоть до женского каприза: «принеси домой!» Из «Золотых даек» эту часть о брусницынском золоте во всяком случае надо выбросить.

Таким образом пока намечаются по Березовску две вещи: «Золотые дайки» и «Левушкины крупинки». Не плохо может прозвучать «Масляный столбик» (о листяните). «Теплую грань», о которой давно думаю, можно тоже отнести к Березовскому заводу. Глядишь, и наберется материал для маленькой книжечки под общим заголовком «Золотые дайки».

Итак, день все-таки не пропал, если его итогом оказалась первая наметка новой книжки. Помню, также примерно начиналась и «Малахитовая шкатулка». Только с этим надо поторапливаться, так как намечается сдача всего материала по березовской книжке не позднее половины января. К этому сроку во что бы то ни стало надо сделать хоть первый заголовочный сказ. Он начат, но подвигается медленно: не могу найти занятную фабулу. Боюсь, что столкновение, в основе которого лежат причины кержацкой отчужденности и нетерпимости ко всему новому, будет мало интересно для современного читателя, а между тем устранить его тоже не хочется.

Из письма к Е. А. Пермяку

9 января 1946 г.

…В избирательный округ входят Полевской, Северский, Ревда, Дегтярка и другие «сказовые места». В ближайшие дни надо будет отправляться в Красноуфимск, а оттуда по районам, которых не мало. Видимо, это должно дать какой-то и творческий поворот. Особенно меня интересует старая крепостная линия Киргишан, Кленовая, Бисерть, Гробово, а также Манчажский район… А дальше Ачит, Атиг, Барда, Арти, положившие начало геологическому понятию, Артинский ярус, Арти-Шагирт и целый кусок заводского Урала с акающим говором, так называемые «гамаюны». Чувствую, что все это могло бы дать материал для новой книги, если бы не приближающиеся шестьдесять семь лет.

Как все-таки обидно, что жизнь такая коротенькая, а спешить нельзя. По подстрочникам не поймешь марийский фольклор и по трем-пяти книгам не станешь в курсе особенностей края. Требуется более длинный промежуток времени, а будет ли он? Пока же полон надежд, что «может быть на мой закат печальный блеснет улыбкою прощальной Кереметь». В кавычках, как видите, не одно пушкинское взято, но ничего, — в письме можно. Эти старые марийские боги, между прочим, имеют какое-то сходство с «Хозяйкой горы», в них так же теряются грани мрачного и веселого. Помню, мне о них приходилось писать, как о «первонасельниках края». Выходит — поворот к давней теме, которая может оказаться тем увлекательней, чем глубже в нее войдешь. Поэтому считайте меня в длительной командировке в «Кереметьстан» за сказками.

Из письма к И. И. Халтурину

16 февраля 1946 г.

Перед выборами мне пришлось проехать по гужевым дорогам километров четыреста и железным — около восьмисот. По железнодорожным линиям еще туда сюда, — приезжаешь — уезжаешь, а по гужевым каждый раз «доезжаешь» до чегонибудь совершенно для тебя неожиданного, кричащего: «На Урале всю жизнь прожил, а об этом не подумал!»

Между тем всякая новая тема в моем возрасте одна помеха. Без этого знаешь, что тебе не успеть справиться и с половиной того, что надо бы сделать, а тут еще под руку лезет всякое и тянет в свою сторону. Хуже всего, что моя журналистская практика создала привычку «растекаться мыслью по древу», хотя это древо тебе вовсе не по пути пришлось. Взять хоть ваш укор о ненаписанном предисловии. Причина не в одной моей болезни, и не в том, что у меня уж второй год из комнаты не выходит этот кучерявый кузнец в дворянском мундире Акинфий Демидов с его «Русским железным делом». Чувствуете, куда это тянет? Тут не меньше десятка лет работы потребуется, а их, конечно, не осталось. Знаю это, а не могу отделаться. Так вот и идет. Занимаюсь не тем, чем надо, а тут еще из поездки темы привез. Надо бы порыться в марийском фольклоре. Как раз в моем избирательном округе есть такой район с марийским населением, которое, будучи плотно окружено татарским и русским, все же сохранило свой национальный костюм, быт, язык и даже приветствовало своего кандидата в депутаты музыкальными шумами на своих нигде больше не употребляемых инструментах шувер (пузырь, на котором можно дать три ноты) и тубер (род скорей бубна, чем барабана). Для встречи они составили песенки, в которых даже по прямому грубому переводу чувствуется тонкая лирика.

А косный Артинский завод, единственный поставщик косы в нашем государстве? Там до сих пор полосы расковывают хвостовыми молотами крепостной поры. Каждый новый директор спешил убрать этот пережиток феодализма, но вскоре убеждался, что крепостная механика дает совершенный удар без элементов отбоя. В президиуме там сидел рабочий, который уже сорок пять лет занимается одной операцией — «калкой косы», не пропустив ни одного рабочего дня.

Из всего этого вы поняли, разумеется, что на меня, как автора, плохая надежда, а особенно по части сказа, типа «Серебряного копытца». Я уже говорил вам, что был бы рад

служить богине детской улыбки, но она, как видно, не очень склонна дружить со мной. Может быть, ей не совсем по нраву публицистические, подошвы, на которых я всегда хожу и облегчить их не умею. Окончательно отказываться все же не хочется, — а вдруг подарит и меня, своей улыбкой. Задерживать тогда не стану и прямые путем направлю вам. Об этом можете не беспокоиться. Только вот подарит ли? Будем все-таки рассчитывать на лучшее. Постараюсь оправдать ваше доверие, а вы замолвите за меня словечко в Детгизе: пусть не сердятся на старика, который себе не рад от обилия нитей, которые тянут его в разные стороны и не дают работать в должном направлении.

На этом разрешите пожелать вам всего лучшего.

Письмо к школьникам

Г. Нижние Серги, пионерской дружине № 2, имени Зои Космодемьянской

Февраль 1946 г.

Милые ребята!

Получил ваше письмо и очень порадовался, что ваша дружина хорошо помогла взрослым в их большой и важной работе по агитации за нерушимый Сталинский блок коммунистов и беспартийных. Теперь, когда объявлен результат выборов в Совет Союза и в Совет Национальностей, вы с удовлетворением можете сказать, что и ваш труд в этом деле был.

Мне очень приятно было узнать, что ваша дружина ознакомилась с уральскими сказами. Но это дело, мне кажется, надо и можно увеличить собиранием таких сказов и преданий по своему району.

У вас в районе, например, есть гора Шелом. Знаете наверно? А спрашивали ли, почему она так называется? Какие предания и рассказы связаны с этой горой? Разве не интересно все это собрать, записать? Или вот береговые скалы в верховьях речки Серги. Они, наверно, тоже имеют интересные названия, и с каждой, может быть, связан какой-нибудь рассказ. Обо всем этом надо расспрашивать стариков. Не смущайтесь тем, что ответы могут получиться разные, и не всегда похожие на рассказ. Так часто бывает. Надо записывать все, что говорят, а потом уж само собой произойдет отбор. Вот когда накопите таких рассказов о старине Сергинского района побольше, тогда к вам и приеду, чтобы помочь разобраться в собранном материале.

К 23 февраля приехать к вам не могу, так как после поездки расхворался, и доктор запретил мне даже выходить из дома. Если к тому времени поправлюсь, то все равно на этот день выехать из Свердловска будет нельзя: надо побывать в Доме Красной Армии и в некоторых воинских частях. Таким образом приходится отнести нашу встречу на другое время, а чтоб она не оказалась пустой, начинайте сейчас же сбор материала, о котором говорилось выше. Еще раз напоминаю, — не смущайтесь тем, что не сразу будут получаться занимательные вещи. Это придет потом, а пока надо заботиться о другом, чтоб как можно больше сделать записей. Я вот говорил вам о горе Шелом и береговых скалах речки Серги, но это совсем не обязательно. Если рассказывают о другом, то это и записывайте. Причем всегда отмечайте, от кого слышали (имя, отчество, фамилия, возраст, занятие). Это называется паспортизацией записи. Такая

паспортизация очень нужна. Она помогает собрать людей для дополнительной беседы, где, помогая один другому, а иногда и жестоко споря друг с другом, припоминают многое, о чем: раньше не говорили. В результате и начинают получаться такие предания и сказы, которые уже можно печатать.

На этом и покончим разговор. Еще раз спасибо вам за приветливое письмо. Желаю вам успехов и прежде всего, конечно, в учебе. Что ни говори, а для людей вашего, возраста самое важное учиться, учиться и учиться. Эти слова Владимира Ильича Ленина нельзя забывать ни на один миг, и надо, чтоб это было видно в табелях.

Будьте здоровы, веселы и по-хорошему готовьтесь к жизни.

Дневниковая запись

30 июня 1916 г.

Когда слабеет зрение, стараешься читать только необходимое или особенно интересное. Маленьких фельетонов давно не читаю. Сегодня соблазнился.

Фельетон написан бойко, с выдумкой и темпераментом. Но вот читаешь, и тебя не оставляет мысль, зачем так длительно писать о том, что можно выразить коротенькой заметкой. Вспоминаешь фельетоны прошлого и пытаешься понять, чем они брали.

Секрет успеха фельетонистов прошлого, очевидно, в том, что в то время жанр игры словами и образами, намеками и полунамеками был вполне закономерен. Перед фельетонистом до революции стояли две задачи: во-первых, написать так, чтобы цензор не имел права запретить, во-вторых, чтоб читатель точно понял сокровенный смысл фельетона, его подтекст. Надо было, чтоб читатель догадался, что Большие головотяпы, Обмановка — не что иное, как русское самодержавие, а бравый майор, с глазами навыкате и в шинели с бобровым воротником — Николай I, и в то же время для цензуры не было бы ни малейшего повода вслух высказать такое предположение. Бывало еще сложнее. Описывая живую сцену с натуры, где главный герой бестолково и бессмысленно пытается заглянуть внутрь чугуна, автор настойчиво повторял фразу: «Задумал добиться слова от чугунной решетки». Приученный к намекам читатель припоминал эту фразу, когда на следующей странице видел строгий рисунок с не менее строгой надписью «Могила В. фон Плеве» и начинал тоже «добиваться слова от чугунной решетки». Оказывалось, что там причудливой немецкой готикой довольно явственно написано: «Хир ист дер Хунд беграбен».

Эти вот ухищрения автора и читателей и создавали славу маленького фельетона. Другая его особенность — остроумное игрословие, но это все же было второстепенным.

У нас жанр фельетона, на мой взгляд, может держаться лишь на исключительном остроумии, начитанности и большом мастерстве. Что же касается основных задач маленького фельетона в прошлом, то они в наше время стали ненужными. Зачем о ком-нибудь писать намеками, когда это можно сделать прямо и просто. Наша система позволяет о любом отрицательном явлении сказать полным голосом. В этих условиях лишние слова только мешают. Прочитав один-два абзаца, ищешь дальше, что же в сущности произошло, и видишь, что в конце это точно сказано.

Словесная же городьба, как самоцель, слишком трудна, чтоб стать даже редким явлением в газетах общеполитического характера. Этого не всегда могут добиться и журналы.

В том же номере «Уральского рабочего» прочитал очерк «Уралмашевская закалка». Очерк не дочитал. Начинается тем, что сломался резец. Из разговора, который дальше приводится «для живости», узнаешь, что резец из победита. А дальше и читать не надо. Все ясно и без длинного авторского оформления. Так и скажи коротко, просто, что либо изобрели какую-то новую закалку резцов, либо нашли лучшие пути их использования. Как это частенько бывает, автор очерка останавливается только на внешних показателях, за которыми совершенно не видишь самого главного. Старый вопрос, почему так получается. Почему героика будней, увлекательное напряжение человеческой мысли выходит так не увлекательно в нашем изображении. Может быть, и здесь главная ошибка в том, что часто переносим в нашу литературу целиком приемы прошлого. Пейзаж для настроения, внешний облик героя, его разговор, а дальше схематично о самой сути дела. Так, разумеется, выглядит просто, но такое и читать не надо дальше третьего-четвертого абзаца. И ведь это тогда повторяется из очерка в очерк! Один маленького роста и токарь, другой, широкоплеч и мускулист, работает шахтером-проходчиком, третий с облысевшим лбом и большой семьей — землекоп, четвертый — доменщик, ловкий, подвижной, с лихо взбитым чубом. За всем этим внешним вовсе не видишь ни человека, ни его дела.

Большое усложнение жизни, как видно, требует и от литератора более сложного подхода к ней, детального изучения хотя бы одной какой области техники и ее людей. Хуже всего, что эти обветшалые приемы внешнего показа мешают и тем, кто захотел показать новое со знанием этого нового. Он прежде всего и сам во власти прошлых литературных образцов, сам в школе изучал их, с юных лет усвоил, что литература без цветов и облаков не бывает. Самое название «производственный» говорит, что тут дело совсем неладно: заранее отграничивают производство от литературы. Ведь не шел же лесковский «Левша» или «Тупейный художник» в каком-то особом разряде, хотя в том и другом рассказах есть что-то и от производства. Люди — везде люди, и в быту и на войне, на производстве никто не становится схемой, все живут, волнуются, борются, и если это изображается полноценно, так там должно быть все, что бывает в рассказах, повестях, очерках.

Из письма к Л. И. Скорино

17 сентября 1946 г.

К моей манере письма в какой-то степени привыкли, но не менее привыкли и к мысли, что этот всегда о прошлом пишет. Современного в ней многие не видят и, думаю, долго не увидят. Причина, по-моему, в каком-то календарном определении истории и современности. Поставлена на вещи, написанной на самую острую тему современности, дата прошлого — старина, история. Попробуйте при таком взгляде доказать, что «Дорогое имячко» — это Октябрьская революция, что «Васина гора» — отражение тех настроений, с какими советские люди приняли пятилетний план, что «Гор подаренье» — праздник Победы и т. д. За старой рамой люди не видят не совсем старого содержания, которое, однако, нельзя дать в виде фотографии, чтоб человек мог точно сказать — это я. А ведь есть у меня и сказы прямого боя. Например, «Круговой фонарь», писанный о прокатчике ВИЗа Обертюхине. С героем сказа не знаком. Прочитал лишь несколько газетных заметок о нем и передвинул его качества в хорошо известный мне быт. История это или современность? Вот решите-ка этот вопрос.

Всегда был историком, не настоящим, конечно, и фольклористом тоже не очень правоверным. Состояние моего образования не позволило взобраться полностью на то высокогорье, которое открыл нам марксизм, но та высота, на какую мне все-таки удалось подняться, дает возможность по-новому посмотреть на знакомое мне прошлое…

Считаю это качеством современника, а меня относят в группу, перелопачивающую старый материал, где от случая к случаю вставляются «пропускные» фразы и характеристики. Напиши вот я «Крашеный панок» или «Егоршин случай» — признают мемуарной литературой. При удаче даже могут похвалить: не хуже «Детства Темы», «Никиты», «Рыжика» и пр., но никто не подумает, почему старого советского журналиста, чувствующего вопросы современности, потянуло рассказывать о том, что было шестьдесят лет тому назад: просто ли припомнить дни, когда он был малышом, или есть другая задача. Вроде, например, того, как формировались кадры людей, которым пришлось в полное плечо работать в годы революции.

Предположение, что в тиши ковыряю что-то историческое, к сожалению, не похоже на правду. Занимаюсь теперь другим, — не очень писательским делом. Приходится много писать по заявлениям своих избирателей. Конечно, в смысле накопления

материала о современности это много дает, только вряд ли с этим новым мне удастся справиться, как литератору. Получила белка воз орехов, когда зубы стерлись. А тем тут действительно воз. Удивляться надо, как их не видят.

Недавно вот побывал в одном колхозе, километров за двести от Свердловска, побыл там три дня и обалдел от новых впечатлений. Срок, разумеется, мал, чтоб написать даже очерк, но вполне достаточен, чтоб лишний раз оказать о причинах бесплодия на темы современности. Со всеяй очевидностью выступает, что, сидя за городским письменным столом, вращаясь в кругу себе подобных, мы абсолютно ничего не знаем о жизни страны, хотя бы в таких звеньях, как колхозы. Вероятно, мешают и литературные образцы, в которых в свою очередь можно различить старую основу. А ведь на деле и основа и уток готовятся теперь по-иному, из другого материала, и видоизменяются не по десятилетиям, а по годам.

Видел, например, начало колхозного поселка. С чего, вы думаете, начинают?.. На разбитой под поселок площадке первое сооружение-вышка. Не пожарная или караульная, а водопроводная. Затрачивают около сотни тысяч на два артезианских колодца глубиной от сорока пяти до шестидесяти метров и не потому, чтоб у них воды не было. Вода рядом, в лощине, речка чистенькая, и место не из засушливых. Может статься, что здесь действовал пример города удобство иметь в каждом доме раковину, но все-таки это пришло не извне, а родилось тут, на месте, и главный расчет не в раковине, а в желании обезопасить насаждения от климатических случайностей. Чувствуете?

А гидростанция и рабочий план на установку линии для электропахоты! Не кустарничество, а сделан инженерами, плачен не малой для колхоза суммой в пятьдесят тысяч рублей. И к этому волы. Самые настоящие украинские. Такие же могучие, такие же ленивые, и ярмо, и цоб-цобе, только украинца нет. В общем узор пестрый!

Или вот другой случай из поездки. Район индустриальный. Там огромный рудник с поселком и два огромных строительства. В одной из деревень этого района встретил старого знакомца еще по «Крестьянской газете». Он немного моложе меня. Взрослая дочь работает не то доктором, не то агрономом. Живут вдвоем со старухой. Дом полная чаша. В колхозе не состоит и как будто нигде не работает ни сам, ни жена. Стал расспрашивать. Говорит… — кротов ловлю. Выяснилось — охотник. Ловит капканами…

Специфика его производства интересна, но ведь не менее

интересна и экономическая сторона. Специально потом справлялся в районном центре, сколько заготовлено кротов. Ответили, что за нынешний сезон заготовили двести тысяч шкурок. Отсюда вывод: семей сто — сто пятьдесят «кормится от кротовьего дела», и кормится с большой привилегией. Понятно, Заготпушнина тоже не теряет, но покрывает ли прибыль те убытки, которые создаются для колхозов утечкой рабочей силы? Вопрос не маловажный. А сколько таких вопросов и совсем неожиданных конфликтов!

В третьем месте наткнулся на романтическую историю. Куда тебе Корсика, Сицилия и прочие вендетты!

По секрету скажу, — темок в нашей советской действительности для всякого, кто не сидит, как пришитый к своей чернильнице, сверх головы. Даже мне, старому человеку, при случайных выездах в нос бьют. А будь бы помоложе, годов хоть на десяток! А?

Из письма к Е. А. Пермяку

30 сентября 1946 г.

…Был один писатель Вердеревский. Барин, надо полагать, но некоторые его вещи печатались в «Отечественных записках». Этот Вердеревский в 1857 году совершил небольшую прогулку: от Ирбита через Камышлов, Екатеринбург, Кунгур до Перми на тарантасе, от Перми до Казани на Колчинском пароходе «Стрела» (со скоростью десять верст в час), дальше прогулялся Волжским бережком опять на своем тарантасе (крепко видать сделан был} до Царицына, оттуда повернул на Калач хлебнуть водицы из тихого Дона, а из Калача пробрался на Кавказ и там тоже поездил по всяким тамошним Боржомам. От этой поездки осталась книжка, страниц на триста — «От Зауралья до Закавказья». Вышла в том же 1857 году. В ней много забавного, поверхностного, но теперь, когда, прошло около сотни лет, она читается с интересом…

В качестве образца благоглупости приведу цитату о пельменях.

«…Может быть, решитесь попробовать на вкус знаменитых пермских пельняней (пель-нянь по-пермяцки хлебное или медвежье ухо), ошибочно называемых пельменями, этого любимого лакомства целой Сибири и всего Приуральского края: оно кисло, и сытно, и не без запаха лука…»

В другом месте рассказывает:

«— Дома барин? — спросил я краснощекую здоровую бабу, сидевшую на подъезде с чашкой пельменей, плававших в уксусе.

— Нету-ка, — ответила камеристка, дожевывая толстый и сочный, как сама она, пельмень, или, правильнее, пель-нянь».

Видите сколько чепухи? Медвежье ухо, плавают в чашке с уксусом, поедаются на крылечке, вроде семечек. Величиной и сочностью со здоровую бабу! Попробуйте представить.

Но дело не в этой. В книжке не мало и другого. В частности меня поразил один факт. В Екатеринбурге Вердеревский смотрел один купеческий дом. Оказалось, отделано с показной купецкой роскошью: много бронзы, позолоты, лепных украшений, резьбы по дереву, превосходный фарфор и фаянс, прекрасный инструмент, но самое замечательное в том, что хозяева в этом доме не жили. Предпочитали другой дом, попроще, пообжитее, а этот держали «так» — для показу. По этому поводу автор пущает сентенцию об ограниченности провинциалов, не умеющих пользоваться комфортом. Такая сентенция меня не устраивает. В ней много либиховского мыла. Помните такое? Или вы уж этого не знали?

Многие статьи начинались: «Знаменитый Либих в своих „Письмах по химии“ считает потребление мыла мерилом культуры…» После этого шли цифры: в Англии столько-то, во Франции столько-то… В России, как водится, меньше всего. Отсюда вывод об отсталости и т. д. Агитационное значение подобных высказываний для того времени было понятно, но разве оно было верным? Все же мы знали, что в стране широко употреблялся зольный и поташный щелок, а на любой деревенской усадьбе имелось такое изумительное сооружение, как русская баня, которая умела отмывать грязь лучше любого сорта мыла. И ходили в такие бани ежесубботно. Случалось, ставили бани и на покосных участках и около угольных куреней. Это о чем говорит? Как напаришься в такой бане да вспомнишь про либихово мыло, так и подумаешь: выпарить бы тебя, узнал бы мерило культуры.

Тоже с сентенцией Вердеревского. Дело вовсе не в ограниченности вкуса к комфорту, а в другом понимании, этого комфорта.

Надеюсь, вы что-нибудь поняли из этой околесицы, попавшей сюда под свежим впечатлением только что просмотренной книжки… Это на те же кости прикиньте, потому как инженер душ обязан понимать и то, что сами души не вполне разумеют.

Некоторые рецензенты и критики пока прославились только тем, что не видели главного или видели его не так, как надо… обо всем судили по меркам литературных образцов. А между тем эти мерки как раз больше всего и мешают новому, такому, чего еще не было в литературе.

…Поговорим лучше о Бальзаке, Флобере и прочих не членах Союза. Мне кажется, что надо посмотреть на них не по-литературоведчески, — что и как они писали, а по-организаторски, как они добились, что их произведения оказались такими неувядаемыми. Что тут больше действовало: образование, труд, природная одаренность, всестороннее знание жизни?

Взять хоть Бальзака. Он не только кончил Сорбонну, но еще слушал лекции по праву. Это, однако, не помешало ему писать плохие романы и повести, которые он потом отбросил. В этом, между прочим, и ответ о природном даровании. Оно бесспорно было, но само по себе, даже усиленное прекрасным образованием, не создало Бальзаку заметного имени. Имя пришло потом, после тридцати лет, когда Бальзак сел в затвор отрабатывать свои долги. А их накопилось до пятидесяти тысяч франков. В золотой валюте первых десятилетий прошлого века. Чтобы сделать такой долг, человеку, конечно, не просто приходилось «вращаться в жизни», а вращаться винтом с предельной скоростью, доступной

для техники того времени. Повидал-таки, повстречался! До конца бы дней хватило, но он не потерял вкуса к тому вращению, которое ему уже много дало. Мы знаем, что он пытался выставить свою кандидатуру в депутаты. Провалился, но не в этом суть. Дальше опять издательская деятельность и опять провал на сакраментальную для него сумму в пятьдесят тысяч франков. Не остыл и на этом, затеял разработку старых серебряных рудников в Сицилии. А его роман с Ганской, потребовавший путешествий и в Италию, и в Питер, и даже в Бердичев. Понятно, почему у Бальзака типы, встречающиеся в его произведениях, считаются тысячами. Сколько тысяч — это литературоведы знают, до тонкости, а почему он так разбогател — это почему-то остается в тени.

…Настоящее полное включение в жизнь только и может сделать писателя, принести новые проблемы, показать тех героев, о которых мы пока лишь предполагаем. Только включение нам нужно диференцировать, так как жизнь стала много сложней. И не обязательно куда-нибудь ехать. Это, конечно, легче, но не обязательно. То, что происходит рядом, в своем городе, в своем квартале даже в своем доме мы ведь, честно говоря, не поняли и не усвоили в свете марксистской философии.

Письмо к начинающему писателю

7 октября 1946 г.

Уважаемый товарищ!

Ведь я занимаюсь только обработкой фольклорного материала. Правда, состою членом писательского союза и даже веду организаторскую работу, но подлинным писателем, в высоком смысле этого слова, то есть, человеком, который художественными средствами решает важнейшие проблемы жизни, считать себя не могу. Поэтому и не сумею указать вам путь.

Думаю, что стать писателем этого ранга очень трудно. Огромный жизненный опыт, высокое и многостороннее образование, наблюдательность, речевое богатство и природная одаренность еще недостаточны. Надо уметь любое Явление жизни понять и осветить светом марксистско-ленинской философии и видеть перспективу с высоты этой же философии.

Гораздо проще кажется положение тех писателей, которые просто рассказывают о своей жизни. Здесь жизненный опыт занимает главное место. Конечно, и здесь требуется какое-то образование и навык владеть словом, но это уж не так важно. Гораздо важнее другое: уменье рассказывать живо, образно, интересно. Иным это дается, как подарок природы, другим приходится добиваться этого большим трудом. Знаете вот, как при устных рассказах. Иной говорит о пустяках, и все слушают, а другой, более бывалый, начнет говорить, и никому слушать не хочется.

Судя по тому, что вы пишете о своей жизни, она очень богата событиями, вероятно, в большинстве тяжелыми, но вот удастся ли вам ее рассказать так, чтоб ею заинтересовались читатели, — этого предсказать нельзя. Это и при навыке не угадаешь, что получится: интересная вещь или исписанная бумага.

Еще одно предупреждение…

Как бы вы ни писали, кому-то приходится оценивать, и тут надо иметь в виду, что оценка может быть разная. Ни один редактор не может из себя выпрыгнуть, поэтому один может признать работу приемлемой или даже хорошей, а другой найдет в ней множество недостатков. Отсюда вывод, что ни обнадеживаться, ни унывать от одной-двух рецензий не следует.

Из письма к Е. А. Пермяку

14 ноября 1946 г.

…Меня вот тут учил один, как надо работать, да я оказался неспособным учеником. Даже конверты подписываю саморучно. Глупость, может быть, это, но не упрямство, а привычка, от которой, знаете, не так-то легко освободиться и в более раннем возрасте, а старикам и пытаться не стоит. Да и в литературной работе техническая часть не совсем канцелярия. Сколько ни правишь вещь, а начни переписывать или перепечатывать, обязательно видоизменишь. И не всегда к худшему.

Есть и другая сторона: не люблю длинных вещей. Мне кажется, они похожи на товарный поезд. Первый десяток вагонов при встрече пропускаешь с удовольствием, с любопытством, дальше полоса безразличия, а еще дальше думаешь, когда же это кончится… То ли дело коротышка. Ее одолеть легко, а отдача тоже бывает, и неплохая, если коротышка сделана. Сегодня вон получил письмо с Украины от какого-то деревенского человека. Образование у него, по-моему, не выше семилетки. Прочитал он из моего только «Сказы о немцах» да «Васину гору» в «Молодом колхознике», а наговорил столько ласковых слов, что мне стыдно стало за «Веселухин ложок». Поторопился и испортил хорошую тему, которая даже в таком виде может задеть читателя. А ведь могла бы стать совсем ладной, если бы раза два ее перепечатать. Может быть, правильнее и остаться на коротышках? В них ведь тоже кусочки жизни, и читать не так долго.

Из письма к Е. А. Пермяку

5 декабря 1946 г.

…По заявке своего мнения не сказал. Не умею это делать. Мне все кажется, что план в художественном произведении очень немного значит. Может быть, это очередная ересь, но себя постоянно ловлю на том, что даже основная мысль не укладывается так, как вначале предполагаешь. Назовешь, скажем, проходящий персонаж Михей Кончина — это тебя обязывает к одному, назови его Яша Кочеток — надо представить дело совсем по-другому. Камнерезы, по-моему, были правы, когда говорили:

«Хочу вырезать виноградную ветку, а может, капустный листок выйдет». Неожиданность поворотов в зависимости от деталей настолько существенна, что любая заявка мне кажется первоначальным намерением, то есть тем, чего не найдешь в сделанной вещи. Отстаивать это свое заблуждение не собираюсь: толку не хватит, но так думаю и, пожалуй, не верю, что есть произведения (имею в виду именно произведения), которые бы были написаны в соответствии с первоначальными авторскими предположениями. Литературоведы это, конечно, разобьют вдребезги, но ведь не возбраняется и покустарничать в домашнем порядке…

Из письма к А. С. Ладейщикову

10 декабря 1946 г.

Не умею «отчитываться» по отдельным словам. Просто ставлю, какое кажется подходящим, а порой, каюсь, и такое, которое не вполне подходит, а лишь приближается.

Слово «красота», вероятно, встречается в разных оттенках. На формулировочном языке мне этого не объяснить, поэтому приведу примеры.

В «Хрупкой веточке» слово идет в таком окружении:

«Мите и самому любо. Ну, как — красота, тонкость!» Переведя это в условно грамматические формы, можно получить: «Как не любоваться, когда вышла тонкая красивая вещь, в какой-то степени удовлетворяющая ее творца».

В сказе «Веселухин ложок» есть фраза: «Лежит парень на травке, в небо глядит, а сам думает: „Вот бы эту красоту в узор перевести!“» Здесь, как видишь, другое значение слова. Если в первом случае можно взять синонимом слово удача, творческая удача, то здесь потребуются синонимы иного рода. Думаю, что если так разбирать, то везде найдется какая-нибудь разница в оттенках.

Вообще же красота понимается, как совершенство, как то, к чему стремятся, и одно приближение к чему уже доставляет радость. Такие понятия, как полнота жизненной силы, гармония, изящество (в настоящем, а не жантильном смысле) входят сюда даже в порядке подчинения, как второй ряд одной категории. Ни в каком случае это не благолепие, не картинность, живописность и прочее…

Из письма к Л. И. Скорино

25 декабря 1946 г.

В жизни у меня одна перемена: дни стали быстрее. Пока встаешь, разминаешься, поговоришь с одним — другим посетителем, подготовишься к работе, а день и прошел. Не думайте, что шучу. Так и есть. Ведь мне прочитать страницу чуть не полчаса требуется, а на слух никак не могу привыкнуть. Вот и вожусь около пустого места, а часы это за работу отсчитывают. Обидно, конечно, на часовое равнодушие, а в остальном «все хорошо, все хорошо».

…Чертой отделен довольно значительный промежуток времени. Судьба, верней Природа, большая насмешница, не хуже Малахитницы. Только написал последние слова над чертой, так она и ввязалась: «Ложись, говорит, спать!» Послушался, лег, а на следующий день уже встать не мог. Похоже, что пока отлежался, но это вам показатель не слишком твердой устойчивости вашего объекта. По этому случаю остальные вопросы снимем, да, откровенно говоря, мне и не подходит надевать, шапочку бакалавра от литературы. Знаете ведь, что и ростом мал, и плешив. Кто-нибудь еще подумает, что чужой шапочкой хочу увеличить рост и скрыть плешину, а у меня такого и в мыслях не бывало. Ростом своим хоть гордиться не приходится, да и смущаться не следует, а плешивая голова о том говорит, что на ней когда-то мягкий волос рос. Украшать ее венком из ширазских роз смешно, но и скрывать под шапочкой метра не надо. Пусть будет, как есть, никого не обманывая. Так даже лучше, полезнее. Пусть знают, что всякий может послужить искусству, если его самого какая-нибудь разновидность искусства хотя бы на примитивнейшем ткацком станке взволнует, и ему захочется это свое волнение, как-то передать. Для того чтобы передать, понадобится, конечно, настоящим образом изучить все, связанное с тем или другим явлением и особенно с теми пунктами, которые вызывают твое волнение, а слово, характер придет в процессе изучения. Ересь это или нет? Разумеется, говоря так легонько о слове и характере, имею в виду, что изучение вопроса будет достаточно длительным и серьезным, предполагающим знакомство и с сотнями людей той или другой профессии, их словарем и бытом вплоть до самых интимных его сторон. Все это берет много времени, но не перестает быть лишь служебной частью, главное же, по-моему, в желании передать испытанное тобой волнение, если оно чем-то интересно, нужно или даже полезно твоим читателям. Если этого нет, то ни слово, ни

характер не спасут вещи. Мне вон перед болезнью прислали из одного завода прелестный с внешней стороны рассказик «Золотой браслет». Очень живо, с большим знанием быта, с хорошо поставленными фигурами и прекрасным словом рассказывается, вероятно, действительный случай жизни завода. Жена управляющего во время купанья утопила браслет и добилась, чтоб муж спустил пруд и организовал поиски браслета. Читаешь это и думаешь: «А зачем это печатать теперь? Не ради же одной словесной стороны? Кому и что может дать эта — пусть хорошо сделанная — иллюстрация прошлого?»

Здесь, мне думается, авторское волнение не найдет отклика среди читателей. Может быть, даже кой-кого позабавит, а это уж грустно, так как внешняя смешная сторона идет на основе пота и слез трудового народа.

Помню, в юношеские годы, когда каждый «взвешивает судьбы мира», мне случилось прочитать высказывания Достоевского по вопросам искусства. Там приведено было стихотворение Фета «Диана», по поводу которого сказано, что во всей русской литературе не найдется более сильного и яркого, чем две последние строки этого стихотворения. Тогда, под свежим впечатлением недавно прочитанного Писарева, отнесся к стихотворению, как к побрякушке. Потом, в жизни, когда уж «судьбы мира были взвешены и окончательно определены», я неоднократно смотрел это стихотворение, но мнение оставалось прежним. Даже больше. Оно казалось хуже многих фетовских стихов. Там меня не устраивали «округлые черты», «ясные воды», прямая бестолковщина вроде: «Его (чела) недвижностью вниманье облегло, и дев молению в тяжелых муках чрева внимала чуткая и каменная дева»; сомнительной казалась поэтичность «бесцветных очей» и т. д. И, главное, никак не пойму желания поэта, его ожидания, что богиня оживет. А зачем? Чтоб смотреть на «вечный город, на желтоводный Тибр, на группы колоннад, на стогны длинные». Какой во всем этом смысл?

Неужели одна счастливая деталь о движении светотеней может вызвать такой восторг? Как будто нет. Стихотворение все-таки забыто. Понимают его так, как понимал Достоевский, разве очень немногие. Так вот я для этих немногих никогда не хотел бы писать.

Все это, разумеется, говорю не в виде советов молодым. Это не мое амплуа, да и сам я вовсе не старый (в писательском отношении), самому в пору послушать, о чем говорят люди, имеющие большой литературный опыт, а особенно критически мыслящие личности. Вы вот, вместо того чтобы донимать меня вопросами, сказали бы по чести, по совести свое отношение к

моему очерку «Наш город». Это мне важно вот с какой стороны. Видимо, по состоянию моего здоровья мне придется заниматься, — если еще придется, — самым простеньким, то есть мемуарной литературой. Вы бы и сказали, можно ли работой в виде «нашего города» занять внимание читателя на более длинный срок, чем там, или надо употреблять какие-то дополнительные «оживительные» приемы?

Письмо к М. Х. Кочневу

20 мая 1947 г.

Дорогой товарищ Кочнев!

Большое спасибо за книгу и за письмо. В письме вы все-таки зря говорите о моем зачине. Литературная передача фольклора началась давным-давно. Если хотите, так в «Путешествии Афанасия Никитина за три моря» уже отчетливо можно найти эти элементы. Просто этот вопрос у нас не изучен, а прикоснись к нему, и сразу видно, что здесь и речи не может быть о зачине в нашем столетии. Другое дело окраска. Она, конечно, может и должна существенно отличаться от окраски прошлого. В этом отношении могу повторить вам совет не пойти в поводу у рассказчиков, которые еще не отрешились от взглядов прошлого. Сказ «Душа в мешке» порочен именно с этой стороны: он фабульно построен на основе религиозных представлений. Конечно, так могли рассказывать еще многие из ткачей, но советскому писателю надо было либо отказаться от этого сказа, либо найти для него иную фабульную основу.

Из отдела исторических сказов прочитал пока лишь «Царь-Петровы паруса». Выразительное название, на взгляд, здесь снижено растянутостью изложения, а она получилась, вероятно, потому, что фабула ничем не усложнена, кроме загадок, которые, кстати сказать, не очень крепко связаны с идеей сказа и скорей кажутся попавшими из другого фольклорного источника. В этом же сказе есть такая блошка: Царь Петр говорит, что тульские кузнецы блоху подковали. Подобные анахронизмы в фольклоре — явление широко распространенное, но едва ли следует допускать это в литературной передаче. Нечего греха таить, ведь некоторые читатели могут и поверить, что Петр знал рассказ Лескова, появившийся во второй половине XIX века.

В тексте сказов наряду с такими словами, как «можа», «бывалыча», «подумкивать», встречаются и такие, как «отверстие», «норма». Оба эти ряда мне не нравятся. Первые, как ненужное утверждение стилистических неправильностей, вторые, как чисто литературные, выпадающие из общей ткани сказов. Но это все лишь блошки. Основное впечатление от прочитанного прекрасное. От души желаю вам расширить и пополнить «Серебряную пряжу» новыми сказами, которых, вероятно, гораздо больше, чем удалось собрать. Работа, как видите, благодарная, надо лишь не скупиться на выбрасывание обветшалых нитей, оставляя одни серебряные подлинного народного творчества, не затуманенного ничем инородным. С приветом и пожеланием

дальнейших успехов в той части, которая мне всегда казалась незаслуженно забываемой.

Из письма к Л. И. Скорино

25 июля 1947 г.

…В одной из рецензий меня сильно задело упоминание о Вс. Вл. Лебедеве. Не знаю, как вы относитесь к работам покойного писателя, но с моей стороны было большим упущением, что в своих письмах-ответах не сказал об этом. Между тем Вс. Вл. в моей судьбе играл очень большую роль. В сущности он первый помог мне преодолеть опасения, что работу могут назвать стилизаторством, и первый увез сказы в Москву, где они и были напечатаны в «Красной нови». Правда, были и отказы редакций с очень строгой мотивировкой. Сейчас у меня в архиве имеются. Но дело не в этих отказах, а в первом печатании.

Из всех писателей, когда-либо приезжавших на Урал за материалом, Вс. Вл. производил самое лучшее впечатление. Он не собирал сверху, а вгрызался. Если, например, ехал в Ильменский заповедник, то меньше всего затрачивал время на беседы с руководством, а непосредственно принимал участие в поисковых работах, добывая топазы и гранаты. Это, разумеется, давало ему не только камешки, лично добытые, но и немало речевых и сюжетных деталей. В Верхнем Тагиле он чуть не месяц прожил квартирантом у старика рабочего и хвалился, как он там хорошо устроился. «Вечером старики сойдутся, и у них начнется разговор „по домашности“ или на злободневные темы, а ты сидишь за перегородкой и записываешь. В дни получек оба подвыпьют. Еще богаче записи. Не по одному десятку страниц в вечер записывал. Материал богатейший».

Частично этот материал, как я видел, был использован Вс. Вл. в его последней книге, но она, к сожалению, редактировалась с излишней стилистической строгостью, и многое было испорчено.

Вообще вам следовало бы познакомиться с творчеством Вс. Вл. Лебедева, особенно с книгами «Товарищи» и «На бахмутских заводах». Последнюю работу лучше найти в московском издании (она там как-то иначе называется), так как текст свердловского издания сильно обесцвечен.

Из письма к Д. Д. Нагишкину

10 августа 1947 г.

Ваше письмо слишком долго залежалось на моем столе, поэтому нельзя оставить это без объяснения.

Пришло оно, когда я был на пленуме. После пленума еще довольно долго болтался по московскому асфальту. Приехав домой, сначала отлеживался, потом пурхался в накопившейся почте и лишь теперь добрался до переписки личного порядка. В результате между датой вашего письма и моей чуть не двухмесячный промежуток. Не поставьте в вину.

Приятно узнать, что вам удалось «перехитрить болезнь», использовав кошмар для отрицательных персонажей сказок. Но в следующий раз лучше без этого. Вероятно, такая раздвоенность далеко не безразлична для здоровья. Сюжетное построение новой вашей книги кажется очень интересным. Надеюсь, что не откажете послать, когда она выйдет.

Относительно легенд полностью с вами согласен. Жанр этот не привился да, по-моему, и не привьется никогда в нашей литературе. Он просто чужд нам по своей Слащавости. Перед империалистической войной ведь было немало попыток перенести легенду на русскую почву, но ничего из этого не вышло. Кто бы ни пытался, а всегда выходило вроде дамского рукоделья, апликация на шелку из литературных трафаретов. Хуже не придумаешь. Могло нравиться разве очень немногим.

Вчера в последней книжке журнала «Знамя» видел объявление о выходе в свет вашего романа «Сердце Бонивура». Книгу уже заказал, а вам желаю дальнейшего успеха. Как идет дело с многотомником, о котором вы писали? Огромнейшая работа, а о ней даже не упомянуто. Почему? Заподозрил даже вас… Знаете, в чем? Не готовитесь ли и вы, по примеру некоторых, к беспересадочному движению на Москву? Вполне возможно, особенно после выхода в свет «Сердца Бонивура», но грустно, как всегда, когда люди расстаются с плодоносным воздухом окраин. Впрочем, как бы там ни было, желаю вам всего лучшего.

Письмо к начинающему писателю

30 сентября 1947 г.

Уважаемый товарищ!

Извините, — задержался с ответом… Вина, впрочем, больше ваша: я ведь предупреждал, что по состоянию своего зрения с трудом разбираю машинописную рукопись, а вы прислали работу, переписанную таким почерком, который никак нельзя отнести к разряду особо разборчивых.

Может быть, именно это, то есть не особенно четкая рукопись и слабое зрение, и сделали работу трудно читаемой и скучной. Как хотите, мы все привыкли слушать сказки или читать их обычно в виде изданий, приспособленных и для детей, а когда приходится разбирать слово за словом, то это занятие не из веселых. Сказка — не иероглиф, не документ, чтобы ее расшифровывать.

Думаю, что значительная доля тех неопределенных рецензий, о которых вы писали в первом своем письме, зависит и от неудобочитаемости ваших рукописей.

Ваша работа произвела на меня странное впечатление, в котором не могу разобраться. Вы прекрасно владеете народным разговорным языком. Порой даже излишне щеголяете, привлекая без большой надобности поговорки, пословицы, присловья. Запас фантастических образов у вас также, видимо, богат. Как будто есть и должная направленность сказок, а сказка все-таки не получается. Главный недостаток, видимо, в том, что вы больше заботитесь о занимательности отдельных частей, а не сюжета сказки, затемняя его разными вставками, которые подчас и вовсе не подходят к основной мысли произведения.

Возьмем, например, сказку «Про деда Ефрема да товарища Артема». Мысль сказки ясна — преемственная связь донецких шахтеров в их борьбе против господствовавших классов. Но раскрывается это неудачно. Почему для связи поколений шахтеров понадобился сказочник, который в жизни не имел касательства к шахтерской работе? Только для того, чтобы выполнить «вставной номер» — рассказать занимательную, но довольно туманную по своей направленности сказку о правде под водой, на горе и в небе? Между тем этот вставной рассказ не только отвлекает внимание от главной мысли, но находится в противоречии с ней: тот, кто склонен искать правду в морях да в небесах, меньше всего склонен искать ее в борьбе. Не поймешь, почему сказочник этого типа стал вдруг знатоком недр Донбасса. «Муравьи да зверушки сказали» звучит наивно. Непонятен и даже

прямо неправилен с точки зрения идеи сказа и другой «вставной номер» — о долголетии жителей Донбасса. Если поверить этому, то окажется, что надо итти назад, а не вперед. «Вольные земли и вольная жизнь» прошлого — это ведь сказка тоже, только не из советского цикла. Кроме этой несвязанности деталей с идеей сказки, надо отметить и внешний разрыв стилистического порядка. Сначала все идет в тоне сказки, а дальше начинается передача биографии товарища Артема языком газеты.

Примерно такие же недостатки в сказке «Счастье». Сказка «Озеро Рапное» порочна потому, что там все решается поповским чудом: проклял старик — и завод провалился. О подобных чудесах любили рассказывать в изданиях «Душеполезного чтения».

Наиболее интересной мне показалась сказка о краматорских машиностроителях, но и в ней вы не удержались от вставных номеров, затеняющих, а не развивающих главное. Там зачем-то понадобилось вам рассказывать о Правде и Кривде в ресторане. Анекдот, на мой взгляд, не просто никчемный, но и, как говорится, не с той полки взят. Существенным недостатком этой последней сказки надо считать и большую близость к рассказу Н. С. Лескова «Левша». Там русские мастера подковали аглицкую блоху, а здесь русские мастера просверлили, снабдили винтовой нарезкой и завинтили ею американский стержень. Кстати, «аглицкая стальная блоха с музыкой» может быть оправдана глупостью придворных требований, а чем оправдать посылку стержня?

Сказка «Шесть начал, шесть концов, одна средина» очень показательна для вашего творчества. Такую сказку, если ее хорошо рассказывать, будут слушать с большим интересом, но когда она кончится, окажется, что этот внешне привлекательный пирожок вовсе не имеет начинки. Нельзя же всерьез считать идеей сказки истину, что сын близок отцу.

Вот такое стремление к занимательности отдельных частей и полное пренебрежение к главной мысли и мешают прохождению ваших работ в печати.

Несколько слов о «восточных мотивах». Я не знаю, какими данными в этом отношении вы располагаете, но мне показалось многое в последней сказке перепевом того, что все читали в сказках Шехерезады. Мне думается, нельзя так легко подходить к фольклору другого народа.

Итак, данные для работы над сказками у вас есть, надо лишь научиться ими пользоваться. В первую очередь надо строго следить за построением сказки, безжалостно выбрасывая все, что не способствует разъяснению главной мысли. Необходимо также

внимательно следить за тем, чтобы отдельные части не были противоречивы. Необходима также строгость к языку: не злоупотреблять пословицами и поговорками и ни в каком случае не допускать вторжения газетных трафаретов.

В заключение еще один совет. Сказка требует от автора очень большой работы над словом, поэтому спешить здесь нельзя. Вы же, судя по предыдущему письму, склонны сделать это довольно быстро, посылаете в редакции вещи, которые еще надо делать и делать. Еще раз напомню, — нельзя и невыгодно для автора посылать в редакции вещи в таком внешне небрежном виде, как те, что были у меня.

Выступление в связи с сорокалетним юбилеем газеты «Уральский рабочий»

28 октября 1947 г.

«Хочу, хотя бы в порядке напоминания, сказать несколько слов о работе газеты по воспитанию первых литературных кадров на Урале.

Задача выращивания литературных кадров вплотную стала перед газетой по окончании гражданской войны.

При неналаженности организационной и почти полном отсутствии подготовленных журналистов в ежедневной газете в те времена всегда оставались места, которые „надо было чем-то заполнить“. Заполнителями таких свободных мест чаще всего были литераторы, получившие навыки в дореволюционной буржуазной печати.

Некоторые из этих „газетных спецов“, как их тогда называли, и хотели, может быть, работать добросовестно, но их мировоззрение не позволяло им правильно оценивать явления жизни.

В таких условиях было заметным литературным явлением, когда на страницах „Уральского рабочего“ стала печататься с продолжением повесть Аркадия Гайдара, который тогда работал в газете.

Мне не случалось потом перечитывать эту повесть. Может быть, в ней было немало литературных недостатков, и она была неверно направлена, но помню, какое огромное впечатление произвела эта повесть Гайдара на читателей. Видимо, люди сразу почувствовали, что пришел новый человек, раскрывший тему революционной романтики увлекательно и просто.

До Октябрьской социалистической революции в бывшем Екатеринбурге не было никакого литературного объединения. В год захвата города колчаковцами здесь, говорят, возникло литературное общество. Называлось оно не то „Синий камень“, не то „Синий цветок“. Вообще что-то „синее“, которое с приходом в город советской армии посинело настолько, что его не отличили от трупа и зарыли неизвестно где. На деле, видимо, это „синее“ кой-кого заразило. По крайней мере, первая уральская литературная ассоциация, возникшая в 1922 году, оказалась довольно близкой к Серапиоыовым и прочим нарочито туманным братьям. Она стала называться „Улитой“. В противовес этой

„Улите“ при редакции „Уральского рабочего“ организовалась другая группа — „Мартен“, объявив этим заголовком, что здесь на первое место ставятся люди производства.

В „Уральском рабочем“ тогда, в связи с ростом организации газетного дела, стало тесновато на страницах. О печатании рассказов с продолжением или целых романов не могло быть и речи. Чтоб создать для новой литературной организации возможность печатать свои произведения, редакция стала выпускать два приложения: общественно-литературный журнал „Товарищ Терентий“ и еженедельную восьмиполоску „Веселая кузница“.

Редакции этих двух приложений к „Уральскому рабочему“ были местом, где собирались те, кто хотел заниматься литературой.

Чуть не по месяцам можно проследить, как повышалась строгость отбора материалов, как внешне менялся облик изданий, как появлялись новые имена, которые становились сразу заметными.

К числу таких начинающих печататься в приложениях к „Уральскому рабочему“ надо отнести в первую очередь А. П. Бондина, который потом стал известным уральским писателем.

Эти новые люди, при всей их неподготовленности к литературной работе, сумели подняться до предвидения будущего, как это удалось А. П. Бондину. В своем последнем романе „Ольга Ермолаева“ он как токарь, хорошо знавший производство, сделал свою героиню многостаночницей в то время, когда о многостаночном движении еще нигде даже не упоминалось.

В дальнейшем, в полосу РАППа, эти ценные черты нового были стерты всякими неумными и заумными требованиями, но заслугой „Уральского рабочего“ остается, что он привлек немало новых людей в литературу.

Самое существование двух литературных приложений подталкивало многих к работе на этом участке. Это и на себе подтвердить могу, так как тоже начинал в „Товарище Терентии“. Дело не в перечне фактов, а лишь, в том, чтоб о них напомнить в торжественный день „Уральского рабочего“. Пропагандируя, агитируя и организуя массы, он своевременно заботился о росте литературных кадров из тех слоев населения, для которых Октябрьская социалистическая революция была кровным делом.»

Комментарии

ОТСЛОЕНИЯ ДНЕЙ

Под этой рубрикой самим писателем были объединены дневниковые записи, воспоминания, тексты отдельных публичных выступлений, переписка. Расположенные в хронологическом порядке «отслоения дней» охватывают последний период жизни и деятельности П. Бажова. Все эти материалы публикуются впервые.

20 сентября 1944 г. — Письмо адресовано критику Л. И. Скорино, является ответом на ряд вопросов, поставленных в связи с рабоюй над монографией о творчестве П. П Бажова.

В письме упоминается межобластная уральская научная конференция «Настоящее и прошлое Урала в художественной литературе», которая состоялась в июне 1943 года в г. Молотове. Здесь были представлены писатели и литературоведы Свердловска, Молотова, Челябинска, а также Ленинграда и Москвы. На конференции была выпущена однодневная газета — «Литературный Урал» (12 июня 1943 г.).

24 июля 1945 г. — Письмо адресовано уральскому старожилу А. С. Мякишеву.

18 сентября 1945 г. — В письме упоминается книга В. О. Перцова «Подвиг и герой» («Советский писатель», 1946), в которой давался обзор литературы военных лет. Специальный раздел в ней был посвящен «Малахитовой шкатулке» П. П. Бажова.

27 октября 1945 г. — Письмо адресовано писателю Е. А. Пермяку.

27 октября 1945 г. — Речь идет о первом детгизовском издании повести «Зеленая кобылка» в 1945 году.

16 февраля 1946 г. — Письмо адресовано критику И. И. Халтурину.

10 декабря 1946 г. — Письмо адресовано критику А. С. Ладейщикову (г. Свердловск).

20 мая 1947 г. — Письмо адресовано писателю М. Х. Кочневу, автору книги сказов об ивановских текстильщиках — «Серебряная пряжа», — выпущенной издательством «Советский писатель» в 1947 году.

25 июля 1947 г. — В письме упоминается советский писатель В. В. Лебедев, автор романов «Товарищи», «На бахмутских заводах», «В поисках героя» и других. Выступал в печати в 30-х годах.

10 августа 1947 г. — Письмо писателю Д. Д. Нагишкину

(Хабаровск), автору романа «Сердце Бонивура» и книги «Амурских сказок».

28 октября 1947 г. — В приведенных воспоминаниях П. П. Бажов упоминает А. П. Бондина, талантливого писателя из рабочей среды. Бажов высоко ценил творчество своего земляка. Об этом Свидетельствует одна из редких для него критических заметок: «Пристальным, веселым глазом», посвященная им памяти А. П. Бондина (опубликована в газете «Уральский рабочий» 12 ноября 1940 г.).

notes

Примечания

1

Своеобразные словечки (франц.).

2

Внимание! внимание! (франц.)